

§ 4. Учёная архивная комиссия в Курске и её историко-этнографический музей

*«У приказных ворот собирался народ
Густо» ...*

*А.К. Толстой.
1857 г.*

«... Летописцу должно быть известно, что в одиночку начать историю невозможно: даже самый великий и могучий герой способен внести лишь крохотный вклад в историю, которая изменяет мир».

*Толкциен Дж.Р.Р.
Хранители. I,3.*

Как видно из всего вышесказанного, поиски, изучение и популяризация исторических древностей велись в Курске, как, впрочем, и по всей остальной Российской империи, от случая к случаю, по инициативе отдельных энтузиастов, да по спорадическим запросам из всероссийских властных да научных центров, ответы которым слабо влияли на краеведное дело в самой провинции. *Объединение краеведческих усилий* здесь началось благодаря Губернскому статистическому комитету, однако проблемы истории, археологии, этнографии, архивистики, фольклористики находились у этого учреждения всё же на заднем плане — в соответствии с его официальным профилем общесправочной службы, а также по причине значительно углубившейся за время его существования специализации в естественных и гуманитарных науках. Во второй половине XIX века статистика перестала олицетворять собой всё общественное знание даже для российского обывателя и чиновника. Тематика «Трудов» Центрального и губернских статкомитетов первоначально, напомним, оказалась очень широка и захватывала разные вопросы исторического краеведения, «иногда вовсе не имеющие никакого отношения к ведомству Министерства внутренних дел». К концу же прошлого века «такого разнообразия вопросов уже не отмечается: издания комитета почти исключительно посвящены статистике населения и населённых мест, сельского хозяйства ... и т.п.»¹.

Не только столичная, но и провинциальная интеллигенция ощущала в то время растущую потребность в организационном объединении согласно научным и общественным интересам, включая краеведческие. Причём на почве исследования и сбережения памятников родной истории сходились люди разных политических ориентаций и социальных рангов. Либералы усматривали в занятиях стариной возвращение нравственного долга

---

¹ Юбилейный сборник Центрального статистического комитета... С. III.

образованных сословий простому народу, путь к пониманию его загадочной души. Консерваторы искали в отечественной истории точек опоры перед грозным лицом революции и гражданской войны. Для образованных людей без особых политических принципов уход в прошлое своей Родины разнообразил досуг, служил интересным приобщением к науке и культуре. Заодно позволял лишний раз отличиться перед начальством. Этому же последнему археологические занятия служилого (в основном) люда импонировали прежде всего своей безусловной удалённостью от злобы тогдашнего дня — политической, идеологической, дипломатической. Так, по крайней мере, им казалось.

*Император Николай II и императрица Александра Фёдоровна
в маскарадных костюмах — боярина и царицы Московской Руси.
Костюмированный бал 13 января 1903 года в Зимнем дворце.
С сайта Государственного Эрмитажа.*

А с другой стороны, последние наши венценосцы и их окружение проявляли подчёркнутый интерес к допетровской Руси, заботились о реставрации некоторых средневековых атрибутов обычая и власти. Особенно щедро вознаграждался поиск «следов романовской старины». Так, профессор Дмитрий Владимирович Цветаев (младший брат известного основателя Пушкинского музея изящных искусств), став после кончины Д.Я. Самоквасова управляющим Московским архивом министерства юстиции, вскоре (в 1913 году) издал монографию «Избрание Михаила Фёдоровича Романова на царство», с приложением редких материалов подведомственного ему архива о землевладениях, принадлежащих некогда разветвлённому романовскому семейству. Фотоснимки соответствующего архивного дела министр юстиции И.Г. Щегловитов при удобном случае продемонстрировал Николаю II. «Государь Император чрезвычайно заинтересовался предъявленным ему документом»² и повелел отпустить 150 000 руб. на постройку здания сельскохозяйственной школы в селе Хобоцком Тверской губернии, где некогда находилась вотчина его предков. Огромные деньги по курсу того времени, когда батрак в той же сельской глубинке получал за сезон напряжённого труда несколько десятков рублей.

*Великий князь Михаил Александрович Романов (1878–1918)
в костюме боярина Белгородской пограничной черты XVII века.
Убит чекистами в Перми без суда первым
из схваченных большевиками представителей династии Романовых.
С сайта Государственного Эрмитажа.*

---

² РГИА. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.

Одним из информаторов Д.В. Цветаева насчёт «следов романовской старины» оказался протоиерей села Ивановского Курской губернии Анатолий Романов. Он сообщил верноподданному историку полуполюгендарные сведения о местной «веточке» родословного древа монаршего семейства. «Документальных сведений о роде бояр Романовых у меня нет, — объяснял царский однофамилец, — а сохранилось в роде моём предание, что в царствование царя Бориса Годунова два сына Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, бояре Иван и Василий бежали от гнева Годунова в глухую местность, нынешний Львовский уезд — село Черемошки, где и оставили своих потомков ... , впоследствии обращённых в однодворцы, род коих и доселе в Черемошках»³.

*Костюмированный бал 13 января 1903 года в Зимнем дворце.
С сайта Государственного Эрмитажа.*

Накануне крушения своей империи российские самодержцы стремились приукраситься, приободриться регалиями киевских князей и московских царей. Причём не только в переносном, идейном, но и прямом, вполне археологическом смысле слова. Например, августейший покровитель общества курских краеведов великий князь Михаил Александрович подарил

---

³ РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 244. Л.1–1 об.

им «свой фотографический портрет в боярском костюме XVII века в художественной раме»⁴.

А вслед за ним в местном музее появились и другие «снимки Высочайших Особ и лиц, бывших на балу [маскараде — С.Щ.] в Зимнем Дворце в костюмах бояр и служилых людей Белгородской окраины»⁵. Демонстративные игры в историческую реконструкцию с участием царя и его ближайшего окружения — не только и не столько развлечение маскарадом, сколько публичная манифестация народных корней монархической власти. Соответственно, любители истории на местах вносили свою лепту в эту государственную идеологию, но параллельно укрепляли ростки гражданского общества, как ни странно это может показаться сегодня.

Графиня Прасковья Сергеевна Уварова в парадном платье.

Портрет работы К.Е. Маковского. 1882 год.

Репродукция с сайта Муромского историко-художественного музея.

---

⁴ Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 1. С. 38 (2-й паг.).

⁵ Там же. С. 74.

Подробнее об историософских декорациях русской монархии см.: Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton–N.Y., 1995. Русский перевод: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. 597 с.; Т. II. От Александра II до отречения Николая II. М., 20-04. 797 с.

Монархическая идеология могла мешать или помогать историко-краеведческим разысканиям той поры, однако их патриотические мотивы и результаты несомненно имели самостоятельное и долговременное значение. Графиня Прасковья Сергеевна Уварова, сменившая своего безвременно скончавшегося супруга на посту председателя Императорского Московского археологического общества (ИМАО), с полным правом заявляла на очередном, VII Всероссийском Археологическом съезде (АС) в Ярославле в 1887 году: «Необходимо для страны, скажу более, для счастья, здорового и правильного развития подрастающего поколения, чтобы оно росло в уважении к делам своих праотцев, чтобы оно знакомилось, изучало и дорожило произведениями русского искусства, проявлением духа и мощи родного края и его насельников»⁶.

Подобные декларации подкреплялись делами. Императорское Московское Археологическое общество играло всё более влиятельную роль в поддержке и взаимодействии провинциальных любителей старины по всей России⁷. Именно с инициативой П.С. Уваровой связаны *первые попытки организовать историко-краеведческое общество в Курске*. Здесь в очередной раз проявилась отмеченная современниками и поклонниками графини «её магическая сила, которая служит цементом, связующим в крепкий союз разнообразных деятелей в области археологии»⁸.

Весной 1900 года Прасковья Сергеевна приехала в Харьков — собирать местное отделение Предварительного комитета (ПК) по устройству очередного, уже XII Археологического съезда. Отсюда она, между прочим, обратилась с письмом к курскому губернатору графу А.Д. Милютину, в котором просила того позаботиться об учреждении специальной комиссии помощи делу этого съезда при местном статистическом комитете. Комиссия должна была организовать дальнейшее изучение губернии в археологическом и этнографическом отношениях. Подходящей

---

⁶ Областные музеи // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 751. Л. 15.

⁷ См.: *Комарова И.И.* [Императорское] Московское Археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990; *Фролов А.И.* [Императорское] Московское Археологическое общество и охрана памятников старины в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990; *Чесноков В.И., Чесноков И.В.* Воронежское краеведение на всероссийских археологических съездах // Русская провинция. Вып. 2. Воронеж, 1995.

⁸ Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. 1885–1915. М., 1916. С. VII.

Все яркие люди вызывают среди окружающих не только восхищение, но и нередко злобное непонимание. Занимаясь биографиями тех археологов, что сотрудничали с П.С. Уваровой, некоторые современные исследователи доверчиво пересказывают старые сплетни о крутом характере графини и тому подобные инсинуации завистников или конкурентов её Археологического общества. См. например: *Мельникова А.С.* И.И. Толстой и А.В. Орешников (из истории нумизматической науки на рубеже XIX–XX вв.) // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 83. М., 1993. С. 42.

Более эмпатичное повествование о харизматичной графине: *Храпова Л.Е.* Одна страница сиятельной жизни. Ростов-на-Дону, 2003.

кандидатурой на роль руководителя этих работ её сиятельству представлялся учитель Мариинской женской и Александровской мужской гимназий в Курске статский советник А.А. Танков (уже известный читателю по первой главе в качестве журналиста). Он к тому времени получил определённую известность публикациями на темы местной истории не только в губернской, но и в столичной прессе ⁹, в том числе по вопросу «о необходимости и возможности учреждения в Курске учёной архивной комиссии» ¹⁰.

*П.С. Уварова.
Портрет работы И.С. Шарвухтера. 1898 год.
Репродукция с сайта Муромского историко-художественного музея.*

Обращение председательницы Московского общества к руководителям Курской губернии продублировал глава Харьковского Предварительного

---

⁹ См.: *Щавелёв С.П.* «...Для увековечивания памяти государственных и общественных деятелей» (Рукопись курского краеведа А.А. Танкова «Исторические монументы в провинции» России 1890-х годов // История и историческая память. Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 9 / Под ред. *А.В. Гладышева*. Саратов, 2014. С. 233–264; *Его же.* Общественная археология: рукопись курского краеведа А.А. Танкова (1856–1930) «Исторические монументы в провинции» России 1890-х гг. // Там же. // Верхнедонской археологический сборник Вып. 7 / Отв. ред. *А.Н. Бессуднов*. Липецк, 2015. С. 172–190.

¹⁰ См.: *Танков А.* Необходимость и возможность учреждения в Курске учёной архивной комиссии // Новое время. 1894. № 6472; Курские губернские ведомости. 1897. № 63–66.

комитета, профессор тамошнего университета, известный историк Д.И. Багалея.

В Курске к тому времени действительно сложился кружок представителей учительской, чиновничьей, семинаристской среды, кое-кого из помещиков разных уездов, живо интересовавшихся местной древностью. Поэтому у губернатора Милютина возникло к столичным археологам встречное предложение — о создании при статистическом комитете не временной, всего лишь к очередному съезду, а «постоянной историко-археологической комиссии, которая бы оказывала содействие губернскому комитету в разработке вопросов по изучению в историческом отношении Курской губернии, в собирании исторических материалов, издании комитетом трудов и т.п. Образование такой комиссии вызывается ощущаемой потребностью, удовлетворить которую в возможно полном объёме, — подчеркивал граф, — наличными силами одного [Статистического] комитета, при сложности его работ и малочисленности персонала, представляется затруднительным»¹¹.

*Иван Иванович Дубасов (1843–1913) —
создатель и первый председатель Шамбовской губернской учёной архивной комиссии
(1884–1898), смотритель народных училищ Курской губернии (1900–1903).
Репродукция из Википедии.*

Как видно из сохранившихся архивных документов, одним из первых подал реалистичную в тех условиях идею самостоятельного объединения курских краеведов тогдашний директор народных училищ губернии Иван Иванович Дубасов, успевший до перемещения по службе в Курск стать

---

¹¹ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 66.

основоположником исторического краеведения в Тамбове ¹². В своём письме к губернатору от 31 октября 1900 года он предложил собрать совещание заинтересованных лиц по вопросу учреждения «археологической комиссии с губернским при ней музеем, по примеру иных многих губерний» ¹³. С устными обращениями к губернатору и статьями в периодике о том же самом выступал и Н.И. Златоверховников.

*Граф Алексей Дмитриевич Милютин (1845–1904),
ветеран туркестанской и русско-турецкой войн,
курский губернатор в 1892–1902 годах.*

Генерал-лейтенант, граф Алексей Дмитриевич Милютин одобрил идею чиновников и, как часто поступают начальники, в дальнейшем выдавал её за свою собственную. 4 декабря 1900 года он внёс такое предложение на заседании статистического комитета, дабы «проектируемая комиссия совместно с комитетом выполняла работы исторического характера» ¹⁴. Собрание поддержало губернатора в том, что «независимо от подготовки к очередному, XII Археологическому съезду в Харькове представляется настоящим исследование губернии в историко-археологическом и этнографическом отношениях» ¹⁵.

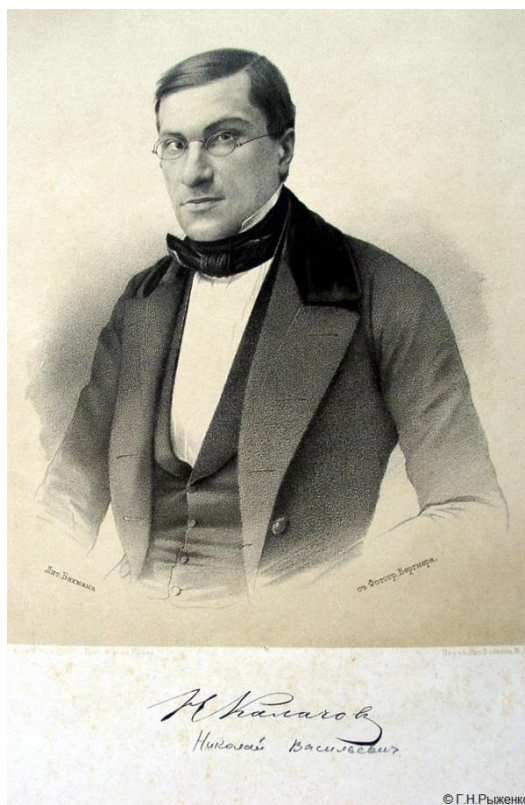
¹² См.: Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1–6. Тамбов, 1883–1897.

¹³ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵ Там же. Д. 751. Л. 7.

Вскоре (по канцелярским меркам) — в июле 1901 года — в Министерство внутренних дел отправилось соответствующее ходатайство насчёт учреждения в Курске своей архивной комиссии. Как видно, Милютин и его окружение с самого начала этого дела настаивали, чтобы краеведческую организацию создать *при губернском статистическом комитете*, выделить *из его* состава — с тем, чтобы эти учреждения в дальнейшем теснее сотрудничали, а не конкурировали. Тогда как все остальные возникшие к тому времени в разных местах России учёные архивные комиссии действовали вполне самостоятельно, отчитываясь (больше для вида) перед существовавшим на общественных началах в Петербурге Археологическим институтом (АИ) или министерством народного просвещения, к которому, между прочим, оказалась отнесена тогда и Археографическая комиссия, публиковавшая летописи и другие источники отечественной истории.

Сенатор Николай Васильевич Калачов (1818–1885) —
юрист, историк, археограф; член-корреспондент Императорской Академии наук,
организатор и реформатор российских архивов.
С сайта «Летопись Московского университета».

Разница двух подходов к проекту своего общества любителей старины в Курске представляется незначительной, формальной только на посторонний, осовремененный взгляд. Историко-краеведческие общества в российской провинции конца XIX – начала XX века возникали в сложной общественно-политической обстановке. На этом деле сталкивались интересы людей разных поколений, идеологических ориентаций, научных школ.

В нашем примере с Курском, губернатор, видимо, опасался доверять историко-археологическую комиссию и её музей либеральничавшему одно время учителю Танкову и тому подобным «поповичам» по происхождению, вообще расширять в подведомственном городе и крае демократического пошиба самодеятельность. А помощник губернатора Златоверховников, как показали дальнейшие события, не желал упускать из своих рук монопольную и почётную заботу о краеведении, единоличное издание его печатного органа — придуманного им и успешно публикуемого «Курского сборника».

Помимо столь субъективных причин, у предложения о тандеме многолетнего комитета и новорождённой комиссии имелись и вполне объективные основания. Статистический «комитет, — разъясняли столичным шефам его представители, — по назначению своему (607 статья «Положения») должен разрабатывать исторические данные о Курской губернии, и он издавна является для неё единственным учреждением, которое, в пределах своих средств, посильно выполняло эту задачу, и до настоящего времени поддерживает отношения с некоторыми учёными учреждениями, высылающими ему свои труды по вопросам археологии, истории и этнографии»¹⁶. Кроме скудного, но постоянного денежного пособия, научной библиотеки, коллекции древностей, налаженных печатных органов, комитет располагал казённым помещением для собраний краеведов и хранения их имущества. Ничего такого — совершенно необходимого любому клубу по интересам — у Танкова с «мелкосошными» товарищами не имелось в помине.

Чтобы оценить отмеченные преимущества, надобно принять в расчёт *официальный статус и реальное состояние губернских учёных архивных комиссий* — нового для тогдашней России общественного явления. Они начали постепенно создаваться «по мере надобности и средств» с 1884 года согласно проекту выдающегося учёного и государственного деятеля Николая Васильевича Калачова. Сперва в отдельных губерниях, «в виде опыта» и «на пособия частной благотворительности». Под центральный для комиссий орган — Археологический институт Калачов предоставил ещё с 1878 года часть собственного дома в Петербурге. Слушателями этого двухгодичного учебного заведения (повышения квалификации, сказали бы сейчас) становились лица, уже имевшие высшее образование и желавшие дополнительно специализироваться на изучении документальных и (в гораздо меньшей степени) вещественных памятников истории. Финансирование комиссий и института государство начало не сразу и первую четверть века существования их бюджет оставался просто нищенским. Тогда как задачи перед данными органами ставились (в глазах руководителей того же государства) серьёзные и масштабные. Прежде всего комиссии под методическим руководством института должны были заниматься разбором канцелярских дел всех губернских и уездных учреждений, за давностью лет превратившихся в дела архивные. Именно эти

---

¹⁶ Курский сборник. Вып. 1. С. 135.

комиссии призывались решать, какие из старых бумаг подлежат уничтожению на макулатуру, а какие — хранению для науки и культуры. Из столь ценных документов надлежало формировать исторический архив губернии и где-то его хранить.

Кроме собственно архивных занятий, большинство комиссий (а их количество к началу нового века выросло с 4 до 20 и продолжало увеличиваться — формально до 44 к 1917 году) претендовало на изучение прошлого своего края вообще, «всяких других памятников старины». Основатель комиссий Калачов и их провинциальные лидеры находили подобную широту интересов и полномочий достоинством этого учреждения. Прямо противоположного мнения на сей счёт держался Д.Я. Самоквасов — автор альтернативного калачовскому проекта реформы российских архивов на началах их общегосударственной централизации. В своей двухтомной монографии «Архивное дело в России» (М., 1902) и серии докладов, статей профессор предъявлял длинный перечень претензий к «общественной архивной службе, нигде в мире более не существующей».

По убеждению Д.Я. Самоквасова и поддержавшей его графини П.С. Уваровой, а значит и всего Императорского Московского Археологического общества, государство должно было срочно прекратить происходившее в центре и на местах бесконтрольное по сути «уничтожение документального богатства русского народа». Прикрываясь фиговым листком комиссий, министерства и ведомства, губернские и уездные власти безжалостно избавлялись от устаревших для их практики документов, сжигая их, продавая возами на макулатуру, гноя в подвалах или забывая на чердаках. Мизерное жалование архивариусов отпугивало от данной стези лиц с высшим гуманитарным образованием. По проекту Самоквасова следовало выделить из казны средства на постройку и содержание в каждом регионе страны благоустроенного архива, открыть университетские кафедры для подготовки квалифицированных архивистов, принять закон о государственном архивном фонде и создать в столице главное архивоуправление. Так ставилось архивное дело на Западе, куда профессор ездил его изучать, посетив 16 стран и издав на русском языке их передовое архивное законодательство¹⁷.

У нас же «волею судеб, — восклицал настойчивый реформатор, — архивное дело в губернии вручено 150–200 “учёным” в лице чиновников, исправников, безграмотных попов, отставных козы барабанщиков и недорослей». Состав слушателей Археологического института представлялся им в чуть более парламентских выражениях: «Можно быть уверенным, что математик, богослов, офицер, курсистка ... по недостатку университетского юридического и историко-филологического образования никогда не будут и не могут быть учёными архивистами»¹⁸.

---

¹⁷ См.: *Самоквасов Д.Я.* Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России. М., 1899.

¹⁸ *Самоквасов Д.Я.* Архивное дело в России. Т. 1. М., 1902. С. 18.

Представители комиссий в столь же резкой манере защищали свои детища от критики и рекламировали их отдельные достижения¹⁹.

«Война» между Д.Я. Самоквасовым и лидерами архивных комиссий получила заметный общественный резонанс и вошла в историографию с весьма противоречивыми оценками. Для одних авторов управляющий Московским архивом министерства юстиции — консервативный «представитель центра», безжалостно и зря третировавший скромных, работающих и знающих краеведов из российской глубинки²⁰. С точки зрения других исследователей этого вопроса, «выступления Самоквасова в печати и на Археологических съездах показали полную несостоятельность Археологического института и губернских учёных архивных комиссий в деле подготовки кадров и спасения архивных материалов»²¹.

На мой взгляд, итоговые суждения по поводу деятельности архивных комиссий могут отличаться по разным регионам и периодам их работы, да и в целом не должны быть однозначными. Сам юридический и общественный статус этих учреждения, равно как и планы, и методы, и результаты их деятельности, обнаруживают плюсы и минусы.

За искренним энтузиазмом и широкими планами у большинства комиссий при пустой кассе, отсутствии помещений и дипломированных

---

¹⁹ См.: *Труворов А.Н.* Обзор деятельности губернских учёных архивных комиссий. Т. 1–3. СПб., 1890–1892; *Кедров С.И.* Настоящее и будущее архивных комиссий (по поводу книги проф. Д.Я. Самоквасова...) // *Русский архив.* 1900. № 9; *Рудаков В.Я.* Археология и история в трудах ГУАК // *Исторический вестник.* 1901. № 12; *Снежневский В.И.* Губернские учёные архивные комиссии и архивное дело в них. Нижний Новгород, 1903; *Норцов А.Н.* Губернские учёные архивные комиссии и их значение // *Известия Тамбовской губернской учёной архивной комиссии.* Вып. 50. Ч. 2. Тамбов, 1905; и др.

²⁰ См.: *Макарихин В.П.* Губернские учёные архивные комиссии и их роль в развитии общественно-политической мысли России в конце XIX – начале XX века // *История СССР.* 1989. № 1; *Писарькова Л.Ф.* Губернские учёные архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // *Археографический ежегодник за 1989 год.* М., 1990; *Расмустова Т.О.* Губернские учёные архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России // *Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры.* М., 1990; *Русская историческая периодика 1861–1917 годов (Материалы к библиографии).* СПб., 1992; *Аленова В.А.* Деятельность Тамбовской учёной архивной комиссии по охране памятников старины // *Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ.* Вып. 1. Воронеж, 1996; *Гурьянов В.Н.* Материалы по археологии Брянщины в «Трудах Орловской учёной архивной комиссии» // *Отечественная и всеобщая история. Методология, источниковедение, историография.* Брянск, 1993; *Рябинин Е.И.* Российское краеведение и российская археология (на примере научных обществ Костромской губернии); *Хан Н.А.* Археологическое краеведение и охрана памятников в Вятке в начале XX в.; *Королёв А.Е.* Псковская краевая археология в XIX – начале XX века // *Традиции российской археологии. Материалы методологического семинара ИИМК РАН.* СПб., 1996; *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999.

²¹ *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 153.

специалистов-историков, палеографов, археологов сплошь и рядом терялась из виду масса гибнувших по ведомственному произволу и элементарному головотяпству редких документов, архитектурных и археологических памятников. Факты на сей счёт собраны и обнародованы Д.Я. Самоквасовым и не им одним в избытке. «Что до сих пор сохранялось под опасением ответственности за растрату, — бил тревогу профессор, — то теперь, под прикрытием губернских архивных комиссий, смело черкающих описи архивов всех губерний, уничтожается без всякого страха»²². Только за 1890-е годы архивные комиссии оставили на вечное хранение в среднем всего 3% разобранных ими документальных залежей (где побольше — до 7%, где поменьше — всего лишь 0,15%). Лишь при 8 комиссиях создались исторические архивы объёмом более 10 000 единиц хранения. «Такие ничтожные крупницы сохранённого материала были лишь жалкими обломками архивных фондов, и прав был Самоквасов, возложив на комиссии вину в разрушении последних»²³, — признавал видный историк архивного дела И.Л. Маяковский.

Ещё меньше прав и возможностей имели комиссии в деле выявления и охраны памятников материальной культуры. Как видно по Курской и соседним губерниям, где возникали такие комиссии, и при них курганы и городища всюду продолжали разрушаться людьми и природной стихией; старинные церкви превращаться неумелой реставрацией в новоделы; случайно и неслучайно найденные клады древних вещей и монет сбываться за бесценок алчным ростовщикам и частным коллекционерам²⁴.

Несерьёзность «историко-архивной службы на общественных началах» вместо государственной системы охраны памятников истории и культуры эксперты констатировали уже при её основании. Как только ни обзывали «учёные» «архивные» комиссии люди весьма серьёзные и знающие: «учёными» в кавычках (Д.Я. Самоквасов), «игрушечными» (выдающийся историк, коллекционер рукописей, икон Н.П. Лихачёв), «самыми дешёвыми в России учреждениями» (историк права И.Е. Андреевский), «исполнительницами сизифовой работы», «открывательницами Америк» (архивист В.П. Соколов) и так далее в том же ироничном духе. Проведём мысленный эксперимент: представим, что хранением и использованием исторических источников в нашей стране сейчас ведают не специальные отделы местной администрации, не служащие государственных архивов и музеев, а некая общественная организация всех руководителей того или иного субъекта Российской Федерации. В свободное от основной работы время, по вечерам и выходным дням они — главы администраций и их заместители, мэры и главы поселений, судьи и прокуроры, ректоры высших

---

²² Самоквасов Д.Я. Централизация государственных архивов... С. 29.

²³ Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. Ч. 1. М., 1941. С. 286.

²⁴ См.: *Формозов А.А.* Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990. С. 87–88.

школ и шефы полиции, прочие первые лица разных отраслей управления области, города, района безвозмездно отдаются разбору, описанию, изданию архивных бумаг, археологических коллекций да этнографических экспонатов. Получается фантастическая картинка в булгаковском или кафкианском духе! А ведь именно так оказалось поставлено архивное и археологическое дело на местах до революции, пока существовали в губерниях статистические комитеты и архивные комиссии, похожие на них добровольные объединения краеведов. Не знаешь сейчас, чему больше удивляться: самоотверженности тогдашней интеллигенции или пренебрежению царских властей к памятникам отечественной старины?

Кричащий дефицит государственной поддержки усилиям общественности по спасению историко-культурного наследия России не может, однако, заслонить заслуг полулюбительских коллективов краеведов из местных комитетов, комиссий и родственных им организаций конца XIX – начала XX века. Архивные комиссии приняли научно-просветительскую эстафету от статистических комитетов и в большинстве губерний европейской части страны подняли изучение древностей на качественно новый уровень. Усилиями их лидеров укрепились взаимосвязи провинции с университетскими центрами науки и культуры, а также отдельных регионов друг с другом; в научный оборот тогда было введено особенно много ценного материала по истории, археологии, этнографии, прежде всего эмпирического, т.е. самого долговечного в истории науки; созданы десятки музеев и библиотек краеведческого профиля; подготовлена новая генерация специалистов гуманитарных отраслей знания, продолживших традицию их разработки сразу после революции.

Профессор Д.Я. Самоквасов требовал, образно говоря, «построить коммунизм» в архивном деле, чего, конечно, не получилось, и получиться не могло. Но своего рода «реальный социализм», то есть хоть какой-то механизм спасения хоть малой части архивных документов по всей огромной империи был при помощи архивных комиссий на самом деле построен.

Конкретное, по регионам, и комплексное, по различным направлениям гуманитарного познания изучение деятельности и наследия губернских учёных архивных комиссий только начинается²⁵. Наряду с объективным анализом творческого опыта Комиссий, этот сюжет охотно идеализируется современными авторами, и тогда все подряд губернские краеведы представляются большими учёными, некими спасителями национального

---

²⁵ См. первую монографию по данной проблеме, относящуюся по своему содержанию преимущественно к поволжским комиссиям: Макарихин В.П. Губернские учёные архивные комиссии в России. Нижний Новгород, 1991; Писарькова Л.Ф. Губернские учёные архивные комиссии. 1884–1923. Аннотированный указатель содержания изданий. 2-е изд. М., 2015; а также диссертации Г.П. Присенко, А.Д. Шипилова, Е.П. Пироговой, А.М. Аббасова, Н.Н. Митрофанова, И.Д. Чепелёвой об отдельных ГУАК и других объединениях краеведов Костромы, Тулы, Перми, Полтавы, ЦЧО в предреволюционный период. Во всех этих работах собран интересный фактический материал, а вот аналитики маловато.

духа Отчизны ²⁶. Курский образец в силу своей типичности на сей счёт позволяет уточнить оценки вклада комиссий в разные области научного исследования и гуманитарной практики.

12 июня 1903 года Николай II одобрил предложение МВД «относительно упорядочения архивного дела в Империи при посредстве губернских учёных архивных комиссий». Это высочайшее решение явно благоприятствовало положительному решению затянувшегося вопроса об открытии своей архивной комиссии в Курске.

Ведь когда немногим ранее инициативная группа курян в самом начале века обратилась в ближайшие архивные комиссии насчёт их уставов, программ, отчётов, то даже лучшие из них — Рязанская, Тверская, Тамбовская, Орловская комиссии в ответ могли только сослаться на «высочайше утверждённое» 15 января 1884 года «Положение» об их открытии. Не внесла определённости и переписка по тому же поводу с Петербургским Археологическим институтом да министром внутренних дел. Никто не брал на себя ответственность санкционировать открытие новой, самостоятельной организации краеведов в Курске и обещать ей хоть какую-то поддержку. Перед нами очередной пример ржавости бюрократического механизма империи, который помог безответственным радикалам, революционерам её опрокинуть в подходящий для этого момент политического (но не экономического!) кризиса 1917 года.

Тогда куряне сами явочным порядком на очередном заседании своего статистического комитета поставили *вопрос о неотложности историко-археологического общества*. 3 декабря 1901 года Н.И. Златоверховников выступил с программным докладом на эту тему. После его обсуждения решили создать новую комиссию отдельно от комитета. Тем более что губернатор отклонил честь председательствовать среди краеведов и предложил вместо себя туда вице-губернатора. Но и тот отказался «вследствие служебной занятости и новизны дела». Тогда председателем утвердили давно ожидавшего такой чести учителя А.А. Танкова, а членами-учредителями провозгласили Н.Г. Фон-Бюнтинга (вице-губернатора), И.И. Дубасова, В.В. Лапина (директора мужской гимназии), Ю.М. Штокмана (преподавателя её же), Н.И. Златоверховникова. Новорождённому обществу разрешили вместе со статистическим комитетом использовать помещение в здании губернского правления. На первое время из канцелярских сумм того же комитета выделялось комиссии аж 100 рублей в год. При этом губернатор

---

²⁶ См., например: *Туманова А.Е.* Научно-исторические общества Тамбова в конце XIX – начале XX века // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в.* Воронеж, 1995. С. 177, где утверждается, будто в провинции «научные общества имели ... преимущества перед государственными научными объединениями» вроде Императорских университетов и Академии наук. В действительности важнее всего была именно система «центр – регионы» в этой работе. См. об этом: *Соболев В.С.* Деятельность Российской Академии наук по сохранению национального, культурного и научного наследия в переломную эпоху развития России (1890–1930 гг.). Автореф. дисс. ... докт. ист. н. СПб., 1996.

выразил неопределённую надежду на то, что «нужные для работ комиссии средства будут»²⁷. Хотя задачи свои учредители очертили весьма широко: содействовать охранению памятников местной старины; участвовать в работе иногородних учёных учреждений и обществ; командировать своих членов с научной целью для занятий в архивах, музеев других губерний; устраивать публичные чтения. Планировалось «принять меры к увеличению коллекций хранилища [древностей при статистическом комитете — С.Щ.] с тем, чтобы его можно было со временем превратить в общедоступный кабинет или музей»²⁸.

Кое-что из намеченной программы так и осталось в области радужных мечтаний (скажем, галерея портретов и бюстов выдающихся местных деятелей и вообще прославивших край земляков). Как ни странно для во многом маниловского менталитета интеллектуалов из нашей провинции, другие пункты этой программы оказались реализованы, хотя бы частично и постепенно. В 1902 году, впрочем, комиссия так и не заработала. Губернатор А.Д. Милютин рапортовал о ней в Петербург и тут же забыл о мертворождённом пока учреждении. Когда Танков пришёл к нему «за указаниями, каким именно образом начать археологическое дело», граф «со страдальческим выражением лица сказал следующее:

— Ради Бога, отложите это дело! Ведь у меня и у Николая Георгиевича [Фон Бюнтинга, вице-губернатора, в дальнейшем губернаторствовавшего в Твери — С.Щ.] всяких дел теперь, да кроме того и по предстоящим большим манёврам — выше головы!

При этих словах губернатор несколько секунд подержал свою руку над головой. Председателю осталось только откланяться»²⁹.

---

²⁷ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 751. Л. 2 об.

²⁸ Отчёт о деятельности ГСК за 1901 г. Курск, 1902. С. 11.

²⁹ *Танков А.А.* Курский историко-археологический и кустарный музей // Исторический вестник. 1910. № 4. С. 287.

Ответ в стиле этого боевого генерала на гражданской службе. Когда исправник Путивльского уезда запросил у него, «разрешить ли грузинским евреям собираться на богомолье по праздникам?», Милютин ответил: «Поступайте как знаете» (Цит по: *Горбачёв П.О., Михеев П.В.* Губернатор долгожитель. Исторический портрет курского губернатора Дмитрия Алексеевича Милютина // Сайт «Курск дореволюционный»).

Упомянутые большие манёвры стоили Милютину губернаторского поста: ужасающее состояние курских дорог побудило всесильного министра внутренних дел В.К. Плеве отправить его в отставку. Молодые историки сегодня недоумевают, как столь «малоэффективный менеджер» мог продержаться на губернаторском посту больше десяти лет. А нет предположить, что останься он на этой должности ещё пару-тройку лет, и погромы, бунты революции 1905 года в губернии не приняли бы такого жуткого размаха, который стоил поста и преемнику Милютина. Во всяком случае, вот о таких строителях Российской империи, как граф Милютин, стихотворение Н.С. Гумилёва «Туркестанские генералы»: «Под смутный говор, стройный гам, / Сквозь мерное мерцанье балов, / Так странно видеть по стенам / Высоких статных генералов. / Они забыли дни тоски, / Ночные возгласы "К оружию!", / Унылые солончаки / И поступь мерную верблюжью. / Поля неведомой земли, / И гибель роты несчастливой, / И Уч-Кудук, и Киндерли, / И русский

Танков явно не пользовался тогда авторитетом у начальства. А Златоверховников мог с тем же успехом продолжать свои краеведческие занятия на своём рабочем месте секретаря статистического комитета. Дубасов болел и поддержать собственную инициативу оказался не в состоянии. Чтобы стать на ноги, кружку любителей археологии и архивов требовались деньги и приток новых сотрудников.

*Барон Николай Георгиевич фон Бюнтинг (1861–1917) —
курский вице-губернатор (1897–1904).
С сайта Википедии.*

По иронии судьбы толчок к реальному открытию учёной архивной комиссии в Курске в конце концов дало то самое обстоятельство, которое помешало Милютину вникнуть в архивно-археологическое дело — большие манёвры, проводимые в 1902 году на территории губернии «в высочайшем присутствии» Николая II ³⁰. Выбор тогда пал на этот город как

флаг над белой Хивой. / Забыли? – Нет! Ведь каждый час / Каким-то случаем прилежным / Туманит блеск спокойных глаз, / Напоминает им о прежнем. / "Что с вами?" – "Так, нога болит". – / "Подагра?" – "Нет. Сквозная рана". / И сразу сердце защемит / Тоска по солнцу Туркестана...» (Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2011. С. 120–121).

³⁰ См.: Приложение к отчёту о большом манёвре в Курской губернии с Высочайшим присутствием в 1902 году. Московская армия. М., 1903.

расположенный на стыке двух военных округов — Московского и Киевского. Было «предположено, что наступающая на Москву армия стремится овладеть Курском как железнодорожным узлом, владение которым открывает путь в разные стороны; охраняющая Москву армия имеет задачу остановить и отбросить противника»³¹. Интересно попутно отметить пророческий характер этой масштабной игровой модели — её довольно скоро на самом деле повторили события Гражданской войны, в момент наступления на Москву Добровольческой армии белых, а позднее — Курской битвы Красной армии с немцами в 1943 году.

*Бюст Николая II в Курске
на месте парада войск, участвующих в больших манёврах весной 1902 года.
Открыт в 2003 году. Скульптор В. Клыков.*

В связи с итогами грандиозной военной игры здесь поменялся губернатор, ибо высшему начальству открылись неприглядные стороны курской жизни — бездорожье, нищета крестьян, вечная коррумпированность чиновников и все прочие. Новый губернатор — *Николай Николаевич Гордеев* (1850–1906) оказался более просвещённым и широко мыслящим человеком, нежели его предшественник. Выходец из старинного дворянского рода, получивший среднее образование за границей, во Франции, а высшее в Киевском и Петербургском университетах, он с юных лет чередовал государственную службу с благоустройством родового имения Якшино в Тульской губернии да барского особняка в Москве, на Арбате. До Курска он

---

³¹ Курская газета. 1902. № 93. 5 сентября. С. 3.

успел послужить вице-губернатором в Бессарабии, Рязани, губернатором в Полоцке и зарекомендовал себя умелым и гуманным администратором.

Знакомясь с местом нового назначения, Гордеев, между всем прочим, проштудировал курские издания, в том числе «Труды» статистического комитета. Натолкнувшись там на статью с планом краеведческого музея, потребовал от Златоверховникова особого доклада на сей счёт. После чего не поленился лишний раз посетить губернское правление, в одном из залов которого находился шкаф с раритетами, собранными комитетом. По свидетельству очевидца, «он долго их рассматривал, а потом сказал: “Этого очень мало, чтобы устроить музей; нужно собрать коллекции, отвечающие вполне его назначению”»³².

*Николай Николаевич Гордеев (1850–1906) —
курский губернатор в 1902–1905 годах.
Фотопортрет 1900-х годов выполнен А.С. Рымаренко (Курск).
Репродукция с сайта «Курск дореволюционный».*

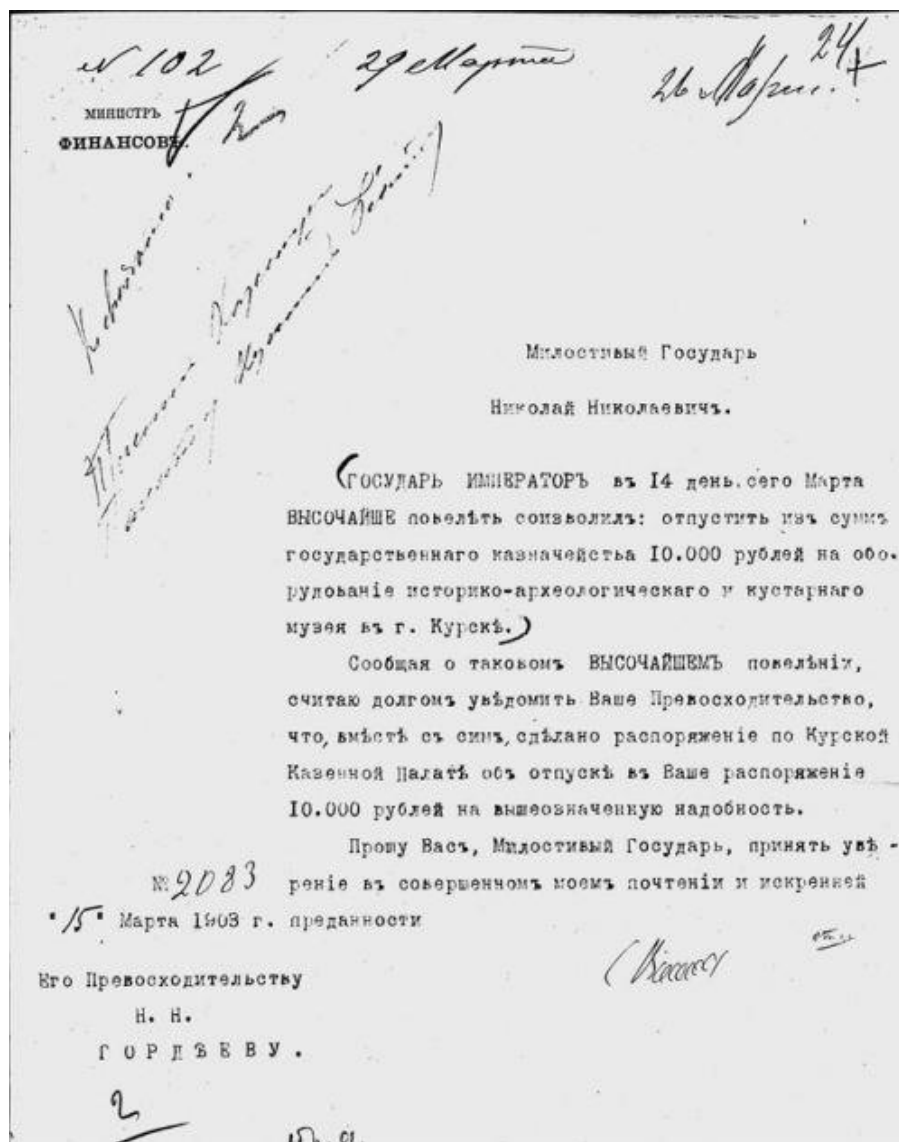
Добрый десяток прежних губернаторов после подобной экскурсии бросали на ветер похожие слова. Гордеев же одним, блестяще задуманным ходом захотел и сумел прорвать цепкую паутину бюрократической волокиты вокруг организации краеведов. Будучи женат на фрейлине императрицы, находясь через сестру в свойстве с князьями Голицыными (чья фамилия

---

³² Златоверховников Н.И. Памяти Н.Н. Гордеева (Генеалогический и биографический очерк) // Труды Курской губернской учёной комиссии. Вып. 1. С. 9 (2-й паг.).

ветвь, как упоминалось выше, помеществовала и в Курской губернии), сам имея придворное звание камергера, этот опытный функционер постарался подготовить очередную аудиенцию у царя в соответствующем духе. «На благовоззрение Государя Императора» он «имел счастье всеподданнейше представить свои предположения об устройстве в Курске историко-археологического и кустарного музея, связанного с памятью о последнем историческом событии губернии — пребывании здесь Его Императорского Величества в 1902 году» на этих самых больших манёврах.

*Отношение министра финансов С.Ю. Витте курскому губернатору Н.Н. Гордееву.
Фото с сайта Курского государственного областного краеведческого музея.*

«Государю Императору благоугодно было сочувственно отнестись к этому предположению и повелеть отпустить десять тысяч рублей на первоначальное оборудование музея»³³. В скобках заметим, что похожим

³³ Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 6. Прибавление (Хроника и библиография). Вып. 4. СПб., 1903. С. 41.

образом выкручивались из безденежья и бесприютства, скитальчества археологических коллекций и исторических архивов по тесным углам руководители других архивных комиссий, кто половчее, а точнее — помудрее. Так, граф П.А. Апраксин смог выпросить под размещение Воронежской комиссии и её музея просторное здание военного интендантства только после преподнесения императору уникальной находки 1911 года из раскопок скифских «Частых курганов» под Воронежом — серебряной с позолотой вазы с рельефными изображениями трёх пар скифов, ныне украшающей экспозицию Эрмитажа.

Мемориальная доска в честь Н.Н. Гордеева на «Доме губернатора» в Курске.

Установлена в 2013 году по адресу: улица Дружининская, дом 2.

Скульптор Юрий Анатольевич Киреев.

С царской резолюцией можно стало собирать краеведов для настоящего дела. Действительное *открытие Курской учёной архивной комиссии* состоялось 23 апреля 1903 года (В печатных протоколах комиссии датой её основания принималось 4 апреля, когда из Петербурга поступил утвердительный ответ Министерства внутренних дел по данному поводу). В губернаторском доме, где помещалась и канцелярия начальника губернии, собралось на этот раз уже не 6, а 26 человек, «изъявивших желание принять участие в учреждении и дальнейших занятиях» комиссии. В их числе находились и «знакомые всё лица» краеведов со стажем — вроде Златоверховникова (получившего хорошо знакомый ему по статистическому

комитета, которого он не оставлял, пост правителя дел в новой организации) и Танкова (так и оставшегося без руководящего портфеля в состоявшемся, наконец, краеведческом объединении). Но появились и новые имена, которым суждено было составить следующее поколение курских ревнителей истории. Среди неофитов выделялся *Александр Николаевич Кобылин* — товарищ председателя окружного суда, действительный статский советник, а на досуге — серьёзный археолог-любитель и коллекционер-нумизмат. Его избрали сначала заместителем председателя, а затем и председателем новорожденной организации, которой он и руководил (достаточно умело) вплоть до революции.

Помощником ему и бессменным же казначеем этого кружка краеведов стал присяжный поверенный *Николай Николаевич Лоскутов* (1871 – после 1918) — выпускник юридического факультета Московского университета, который в Курске чем только не занимался и всё успешно — торговлей, адвокатской практикой, целым рядом общественных, благотворительных инициатив. Перед нами, в частности, глава попечительских советов реального и коммерческого училищ, Мариинской женской гимназии; комитетов помощи жертвам войны 1914 года и оказания помощи беженцам; видный член партии кадетов; с 1917 года — руководитель Курского губернского исполнительного комитета, а затем пришедшего ему на смену Губернского народного совета — органа (недолговечной) межпартийной коалиции. Но пока до революционных потрясений казалось далековато и по бюрократическому обыкновению подыгрывать начальству присутствовала на организационной встрече краеведов почти вся служилая верхушка губернии, директора и преподаватели школ, семинарии, представители церкви. Состав, довольно типичный для большинства комиссий. В любой из них на горстку действительных знатоков и энтузиастов исторических древностей приходилась куча «свадебных генералов» да провинциальных хлестаковых. Более или менее систематически посещали заседания Комиссии человек 10–15, а вели исследовательскую работу, публиковались в её изданиях и того меньше.

*«Дом губернатора» в Курске —
одно из немногих сохранившихся зданий XIX века в городе.
Фото с сайта Курского государственного областного краеведческого музея.*

Н.Н. Гордеев произнёс на учредительном заседании толковое напутствие. «... Веря в плодотворное воспитательное значение отечественной истории и этнографии ... не только по книгам, но и по вещественным памятникам родной старины и по образцам народного творчества», просвещённый губернатор предлагал создаваемой комиссии «организовать, направить и объединить все местные работы по ... изучению губернии в археологическом и этнографическом отношениях и создать то хранилище, без которого не представляется возможности спасти уцелевшие здесь предметы старины и представить наглядно в хронологическом порядке образцы труда русского народа с древнейших времён»³⁴.

У тогдашнего наследника престола, великого князя Михаила Александровича (младшего брата действовавшего императора) предусмотрительный Гордеев заручился согласием «принять народившееся в Курске учреждение под своё августейшее покровительство». Для научно-просветительских, да и всех остальных органов культуры старой России подобное шефство (когда вполне формальное, а когда отчасти и деловое) представителей царствующего дома служило повсеместным правилом. Скажем, основанный И.В. Цветаевым (отцом великой поэтессы) Музей изящных искусств имени А.С. Пушкина носил имя Александра III, а

---

³⁴ Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 1. С. 6.

Исторический музей в Москве же был организован А.С. Уваровым «в память наследника цесаревича» и так далее.

Афишируемый монархизм придавал учреждению респектабельности, гарантировал поддержку государства, как-никак абсолютной тогда монархии. Кроме того, визитная карточка с августейшим грифом (в курском случае — второго по рангу лица в царствующем доме) помогала открывать двери таких кабинетов, важные хозяева которых могли чем-то реальным помочь учёным и краеведам. При тотальной бюрократизации общественной жизни в предреволюционной России этим не приходилось пренебрегать тем, кто желал практически сберечь и изучить культурное наследие страны.

Основные направления и организационные формы работы Курской губернской учёной архивной комиссии сложились достаточно типично для научно-просветительских учреждений в российской провинции той поры.

Это, прежде всего, периодические — по несколько раз в год (но без воцарившейся в советское время самообманной монотонности собраний, когда, допустим, «четверг — партийный день») заседания большинства членов комиссии с обсуждением поочерёдно их докладов на разные историко-краеведческие темы, избранные по личным интересам, а также текущих дел и ближайших планов их добровольного объединения.

Протоколы таких заседаний и авторизированные стенограммы докладов готовились к печати в «Трудах» комиссии, которых успело выйти два объёмистых и весьма ценных по содержанию выпуска тиражом по 600 экземпляров каждый. Велась постоянная переписка с другими комиссиями, центральными учёными обществами вроде Императорского Московского Археологического общества, даже с уездными любителями курской старины по разным вопросам её изучения и посильного сохранения.

Представители Комиссии время от времени командировались на Всероссийские Археологические съезды и заседания их Подготовительных комитетов, для попутной работы в центральных исторических архивах и музеях³⁵.

Было начато обследование губернских и уездных архивохранилищ действующих учреждений — на предмет обнаружения старинных документов и передачи их на сохранение и постепенное обнародование ГУАК (отсюда и её название, и главная задача в глазах правительства).

Производились спорадические, при появлении в губернии опытных археологов из столиц (Москвы, Петербурга, Киева, Харькова), выезды способных к полевой археологии сотрудников на разведки и раскопки.

Наконец, открылся для посещения всеми желающими и постепенно пополнялся новыми экспонатами музей истории и этнографии Курского края.

---

³⁵ См. подробнее: *Серых Д.В.* Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX века. Казань, 2014.

Как видно, за десятилетие до начала мировой войны и последовавшей в стране смуты члены Курской учёной архивной комиссии успели потрудиться на всех основных участках краеведной нивы, но без особой специализации на каком-то одном из них. Намеченное поначалу деление Комиссии на отделы — археологический, церковный, архивный, нумизматический, этнографический и кустарный — осталось во многом формальным. Просто каждый из примерно дюжины самых активных и способных её членов специализировался на одном-двух из этих аспектах краеведения и выступал по соответствующему кругу вопросов и основным докладчиком, и экспертом приобретаемых экспонатов, и ответчиком на внешние запросы (как А.Н. Кобылин, К.П. Сосновский по археологии; А.А. Танков по архивистике; Н.П. Сенаторский, Г.И. Булгаков по церковным древностям и так далее).

Историко-археологический и кустарный (в смысле изделий кустарей — мастеров народных промыслов ³⁶) музей активисты комиссии открыли не сразу, а 18 января 1905 года. До 2500 поначалу его экспонатов поместились в нескольких комнатах здания присутственных мест, откуда незадолго перед тем оказались переселены в новое строение казённая палата и губернское казначейство. Фонды музея медленно, но верно пополнялись за счёт периодических пожертвований частных лиц, родственных организаций краеведов соседних губерний, собственных экспедиций и экскурсий Комиссии, а иногда — покупок у антикваров, чья торговлишка пользовалась у средних слоёв населения провинции устойчивым спросом. Содержался музей на скромный бюджет комиссии. Символическая плата за вход (для взрослых состоятельных посетителей) давала мизерную сумму в несколько рублей за год.

Заведовал музеем бесценно прежний попечитель растущей ещё со времени дмитрюковских раскопок 1820-х годов подборки древностей и новоявленный правитель дел комиссии Н.И. Златоверховников. В роли первого и главного музейщика губернии он оказался на своём месте. Повидавши в качестве курского депутата немало образцовых выставок на всероссийских съездах археологов, побывав в музеях нескольких крупных городов и университетов, он оформил витрины своего хранилища привлекательно для экскурсантов и без особых погрешностей против данных науки своего времени. Каталог музейному собранию составили К.П. Сосновский и А.Н. Кобылин.

---

³⁶ «Особое место в хозяйственной деятельности крестьян Курской губернии наряду с земледелием занимали народные промыслы, обычно как подсобное занятие при основном, сельскохозяйственном производстве, удовлетворявшие потребности сельского населения в предметах бытового обихода. "Некоторые в придачу к земледелию занимаются каким-либо ремеслом: один башмачник, другой кузнец, третий столяр, печник, слесарь, мельник и пр., но занимаются этим урывками в свободное время", — сообщает корреспондент Этнографического бюро. ... В конце 1860–1970-х годов в сёлах Курской губернии стали развиваться кустарные промыслы» (Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012. С. 55–56).

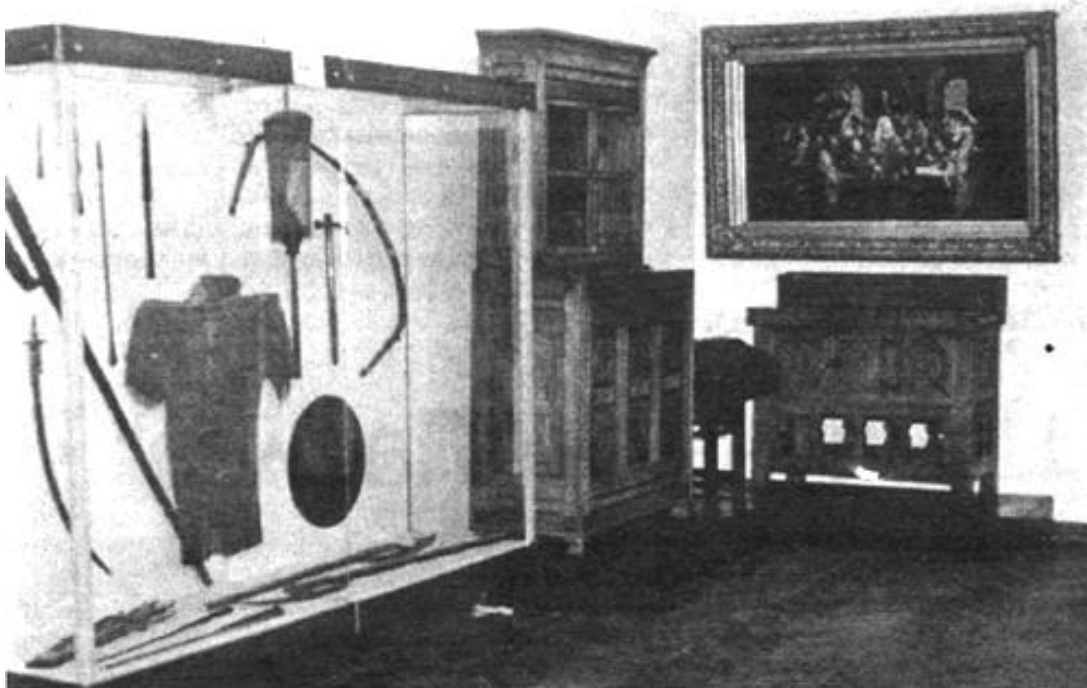

Типичные и самые эффектные вещи из разных городищ и курганников группировались тут по основным периодам краевого прошлого (палеонтология, камень, бронза, раннее железо, славяне-северяне, Русь). Этот же принцип музейной экспозиции сохранялся и в дальнейшем, до сего дня. Массовый материал раскопок и подъёмных сборов хранился, рассортированный опять-таки пообъектно, в основном нашитый на картон, в чулане («фондах», сказали бы сейчас).

Второй раздел музея составляли редкие образчики культуры и быта Нового времени — XVII–XIX столетий: манускрипты и старопечатные книги, карты, рисунки и портреты, так или иначе связанные с курской историей.

Заключительная часть выставки была этнографической. Авторы экспонатов для неё, те самые кустари (заклеймённые во времена социалистической реконструкции хозяйства обидным прозвищем «одинок») в своих ремёслах стали виртуозами. Гончары, столяры-краснодеревцы, тележники и каретники, бондари, скорняки-кожевники, сапожники, кузнецы, ткачи, вязальщики, сукноделы, валяльщики войлока, валенок, ковроделы, кружевницы и вышивальщицы, иконописцы, златошвей, игрушечники, лозоплётцы, трубочники и другие курские мастера не уступили бы легендарному Левше. На рубеже XIX–XX веков кое-где специализированное ремесло оказалось столь успешным, востребованным на рынке, что жители отдельных поселений уже не занимались ни пашней, ни даже огородом. Как, например, в слободе Борисовке Грайворонского уезда где и старый, и малый занимался изготовлением и поставкой икон для Богородско-Тихвинского женского монастыря и прочих обителей южной России, где их сметали с прилавков толпы паломников.

Перед этими стендами этого музея историк провинциальной культуры сталкивается с плодотворными отголосками Этнографической, Антропологической, Политехнической выставок Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, куда курян когда-то привлекали министерской волей. С другой стороны, интерес и уважение к народному быту, его особенностям у разных сословий российского общества, косвенно предвосхищал в какой-то степени революционные перевороты будущего, когда социально-классовый принцип возобладал в музейном показе и организации культуры вообще.

Первый вариант экспозиции Курского музея.

Фото с сайта «Курск дореволюционный»

Из работы Л.А. Кузнецовой (КОКМ) «Столетие Курского краеведческого музея».

А пока новое для Курска общедоступное учреждение культуры время от времени посещали группы юношества с учителями, да и взрослые посетители — земляки и иногородние, во множестве проезжающие Курск, как-никак узловой транспортный центр. Число посещений достигало в среднем 10 000 в год (велись соответствующие подсчёты). Кроме экскурсионных пояснений для заранее организованных групп, при музее члены курской комиссии и заезжие специалисты иногда выступали с общедоступными лекциями историко-этнографической тематики.

Мелкие происшествия вроде благополучно потушенного пожара или кражи нескольких монет из витрины кем-то из экскурсантов-недорослей не помешали культуртрегерской миссии первого в Курске настоящего, общедоступного музея³⁷.

---

³⁷ См. сравнительный анализ: Размустова Т.О. Музей и историческое краеведение (на материалах краеведческих музеев Центрального Черноземья). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1987.

*Василь Юхимович Данилевич —
студент историко-филологического факультета университета св. Владимира.
1890-е годы. Фото из украинской Вікіпедії.*

Археологические раскопки в Курске начала века возобновились в рамках подготовки к XIV Археологическому съезду, намечавшемуся на 1908 год в Чернигове. Как гласит отчёт комиссии о проделанной по этому плану работе, «в мае и июне 1907 года члены ... Комиссии В.Е. Данилевич [приват-доцент Харьковского университета, имевший практический навык раскопок — С.Щ.], А.Н. Кобылин, Н.И. Златоверховников, Н.Н. Лоскутов и К.Н. Родионов исследовали в археологическом отношении ... : 1) курган около деревни Лукиной; 2) Гнездиловское городище на усадьбе Л.Д. Моисеева (Великокняжеской эпохи XI–XII веков); 3) Семёновский курган; 4) Липинское селище (неолитической и великокняжеской эпох); 5) урочище Пыхтино (в числе разных предметов найдена скифская бронзовая стрелка); 6) местность древнего Липинского монастыря...; 7) урочище Моховое и 8) одиннадцать небольших курганов. Предметов добыто при раскопках более 500. Все они, согласно научной классификации, по указаниям В.Е. Данилевича, разобраны ... Н.И. Златоверховниковым и размещены в Курском историко-археологическом музее»³⁸.

Главное открытие экспедиции под руководством В.Е. Данилевича³⁹ — ещё один уникальный комплекс археологических памятников, в основном

---

³⁸ Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 1. С. 127.

³⁹ *Василий Ефимович Данилевич* (1872–1936) — археолог; родился в Курске, гимназию закончил в Киеве. Ученик историка и археолога В.Б. Антоновича. Профессор Харьковского, Киевского, Варшавского университетов. Автор новаторской для своего времени книги «Русские древности» (1908; 2-е из. — 1914), где отечественная история впервые рассматривается на археологических материалах. Во время Октябрьской

древнерусского времени, расположенный у села Липина на Сейме. Здесь перед нами скорее всего остатки летописного города Липовечска (или Липецка) — укреплённое мощным валом городище, примыкающее к нему открытое поселение и могильники, бескурганый и курганные. Эти объекты в дальнейшем неоднократно раскапывались столичными и местными археологами; их работы здесь продолжаются до сего дня ⁴⁰.

*Василий Ефимович Данилевич (1877–1936) —
приват-доцент университета св. Владимира. 1900-е годы.
Фото из Википедии.*

Тот же В.Е. Данилевич своевременно вернул внимание курян к необходимости иметь археологическую карту края. Она требовалась как в научных целях — для уяснения путей освоения Посеймья в разные исторические эпохи представителями разных этносов и культур, так и ради решения практических задач — ориентации археологов и экскурсантов, контроля за сохранностью памятников (заметную часть того же Липинского селища и могильника в советское время «отъели» песчаные карьеры, так что нынешним курским археологам пришлось вести там спасательные раскопки

революции активно поддерживал большевиков и украинских националистов. После революции руководил Археологической комиссией Академии наук Украины.

⁴⁰ См.: Засурцев П.И., Лисицына Н.К. Липинское городище // Славяне и Русь. Сб. в честь 60-летия Б.А. Рыбакова. М., 1968; Кашкин А.В. О локализации древнерусского города Липовичска // Липецк: начало истории. Липецк, 1996; Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. I. М., 1996; Енуков В.В., Енукова О.Н. «Городи Посемьские»: древнее Липино // 60 лет кафедре археологии МГУ. Тезисы докладов юбилейной конференции. М., 1999.

остатков культурного слоя на ряде участков поселения. Другим памятникам повезло ещё меньше, и спасти на месте их бывшего расположения уже нечего).

В качестве делового почина харьковчанин опубликовал в Курске «Материалы к археологической карте губернии»⁴¹ с перечнем нескольких обследованных им объектов Курского уезда. После чего у кого-то из профессиональных археологов дошли руки до материалов анкетирования приходских священников и сельских учителей всех уездов губернии на предмет выявления древних пещер, валов, городищ и курганов. Выше уже упоминалась эта акция ИМАО, которую несколько лет спустя краеведы довели до логического конца. Данные анкеты перенесли (авторство этой работы нам пока установить, к сожалению, не удалось) с помощью условных значков на точную, военную карту губернии. Получившаяся «*Карта археологических древностей Курской губернии*» была обнаружена мной в архиве санкт-петербургского Института истории материальной культуры, где она пролежала без движения десятки лет. После революции никто из исследователей курских древностей не извлёк её из архивного полубытия. Между тем, картографические работы в Посеймье советских специалистов (И.И. Ляпушкина, Ю.А. Липкинга, А.И. Пузиковой, А.А. Узянова, А.В. Кашкина, Н.А. Тихомирова, В.В. Енукова и др.) продолжались, по сути, на пустом месте и не учли многих памятников, что за минувшие десятилетия по разным причинам исчезли с лица земли или оказались пропущены при последних разведках. Только в 1996 году копию обсуждаемой карты и текстовой легенды к ней были переданы мной в Курский музей археологии и Институт археологии РАН, руководителю его картографического отдела А.В. Кашкину, подготовившему к печати современный вариант Свода археологических памятников Курской области.

При всей важности вклада приезжих специалистов-археологов вроде Самоквасова или Данилевича в постановку методики полевого изучения губернских древностей, без местных, живущих в самом Курске деятелей с нужной для этого подготовкой это изучение заметно тормозилось. После А.А. Дмитриюкова здесь не находилось собственных археологов почти сто лет. Следующим стал *Константин Петрович Сосновский* (1861 – после 1916). Окончив курс науки в Петербургском Технологическом институте со степенью инженера-технолога, он в дальнейшем трудился на государственной службе по акцизному ведомству. Чиновничья карьера перемещала его не только вверх по служебной лестнице ступенями табели о рангах и должностей, но и по просторам империи — губерниям Тульской

---

⁴¹ См. кроме того: *Данилевич В.Е.* Курс русских древностей. Киев, 1908; 2-е изд. 1914; *Его же.* Сведения о курганах и городищах Курского уезда // РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 181. Л. 33–34; *Его же.* Отчёт о раскопках в Курском уезде // Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1907 г. Д. 48.

(с 1886 года), Калужской (с 1893), Херсонской (с 1895), Енисейской (с 1900), области войска Донского (с 1905 года) ⁴².

Акциз — косвенный налог на товары внутреннего производства, главным образом повседневного спроса (каковы соль, сахар, спички, алкоголь и проч.), производимые и продаваемые частными лицами. По верному наблюдению А.В. Жука, «штатские археологи России охотно служили по акцизу: эта служба была связана с постоянными разъездами, а они давали широкие возможности для полевых изысканий» ⁴³. Приводимый эти автором список таковых совместителей возглавляет замечательный сибирский археолог А.В. Адрианов (ревизор Енисейского акцизного управления) ⁴⁴, а дополнить этот список возможно нашим курским примером.

Когда и где этот чиновник «управления неокладных сборов и казённой продажи напитков» заинтересовался историческими древностями, доступные мне источники не сообщают. Но, получив в августе 1907 года очередное назначение — управляющим акцизными сборами губернии Курской, Сосновский сразу же вступает в действительные члены и избирается в правление учёной архивной комиссии, принимает самое активное участие в её работе.

Поначалу он участвует в отборе документальных материалов для исторического архива при Комиссии, публикует их обзор ⁴⁵. Затем толково описывает оригинальный (рубленный из дерева) храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Макарьевке Льговского уезда и особенно хранящуюся там старинную церковную утварь (XVIII–XIX веков). Полезнейшей для краеведческого источниковедения новацией этого любознательного путешественника по курским просёлкам стала высококачественная фотография иконостаса макаровской церкви ⁴⁶. После массового разрушения большевиками не только деревянных, но и каменных храмов в 1920-х – 1930-х годов, отмеченное и другие сообщения дореволюционных краеведов по части церковной археологии сохранили хоть какую-то информацию относительно её памятников.

Однако своё истинное призвание на краеведном поприще Сосновский обрёл в области полевой археологии, что оставалось редкостью для деятелей из неуниверситетских городов страны. Вообще-то среди тех, кто в России до революции всерьёз занимался раскопками, не так-то легко отличить любителей от профессионалов. Специальных кафедр археологии в

---

⁴² См. служебный формуляр К.П. Сосновского // ГАКО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 917. Л. 3–14.

⁴³ Жук А.В. В.А. Городцов в первые годы его научной деятельности // Археология Сибири: историография. Ч. 1. Омск, 1995. С. 33.

⁴⁴ См.: Дэвлет М.А. А.В. Адрианов как археолог. Первый период (1879-1900) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М.: 1998. С. 167–186.

⁴⁵ См.: Сосновский К.П. Бумаги старых лет по Курскому уезду // Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 1.

⁴⁶ См. *Его же*: Храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Макаровке Льговского уезда Курской губернии // Там же.

отечественной высшей школе тогда не существовало, а два Археологических института, в Петербурге и Москве, готовили главным образом архивистов да искусствоведов. Даже те немногие историки из академической профессуры, кто всерьёз интересовался вещественными древностями и пробовал привлекать данные чужих раскопок к своим лекциям и монографиям, оставались в своём большинстве полными профанами по части полевой методики их добычи и фиксации. Примерами тому — известные историки древней Руси И.Д. Беляев, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, М.К. Любавский, и некоторые другие почётные гости уваровских АС. Едва ли не единственное исключение в их ряду (если не считать Д.Я. Самоквасова) представил П.Н. Милюков, не только широко привлекая материалы раскопок в свои «Очерки по истории русской культуры», но и самолично пробовавший копать курганы на ссыльном досуге в Рязани ⁴⁷. И.Е. Забелин, находясь вне университетской корпорации, сочетал историю и археологию с переменным успехом ⁴⁸.

Напротив, многие выходцы из смежных исторической науке областей знания и практики внесли решающий вклад в становление отечественной археологии. Образцами в этом отношении могут служить гимназические учителя (поначалу) А.А. Спицын и В.И. Сизов; врачи по первому образованию В.Б. Антонович и Л.К. Ивановский; кадровые офицеры — штабс-капитан В.А. Городцов, капитан В.Н. Глазов, поручик В.Р. Апухтин; зоолог и географ Д.Н. Анучин (заглянувший, кстати говоря, на одни из курских раскопок Самоквасова ⁴⁹); прочие выходцы из разночинной среды на стезю новой тогда науки о подземных древностях ⁵⁰. Тем же путём профессионализации благородного любительского интереса к отечественной старине шёл и Сосновский.

Незаурядные способности рисовальщика и чертёжника пригодились ему при выполнении очередного поручения комиссии — провести рекогносцировочную экспедицию по Обоянском уезду, где надо было выбрать археологические объекты, подходящие для стационарных раскопок под руководством Д.Я. Самоквасова. Ставший неформальным учеником и личным другом профессора, Сосновский провёл обоянскую разведку образцово. На протяжении 8 дней в июне 1909 года он обошёл и объехал верхом 32 археологических местонахождения от самого истока Псла до с.

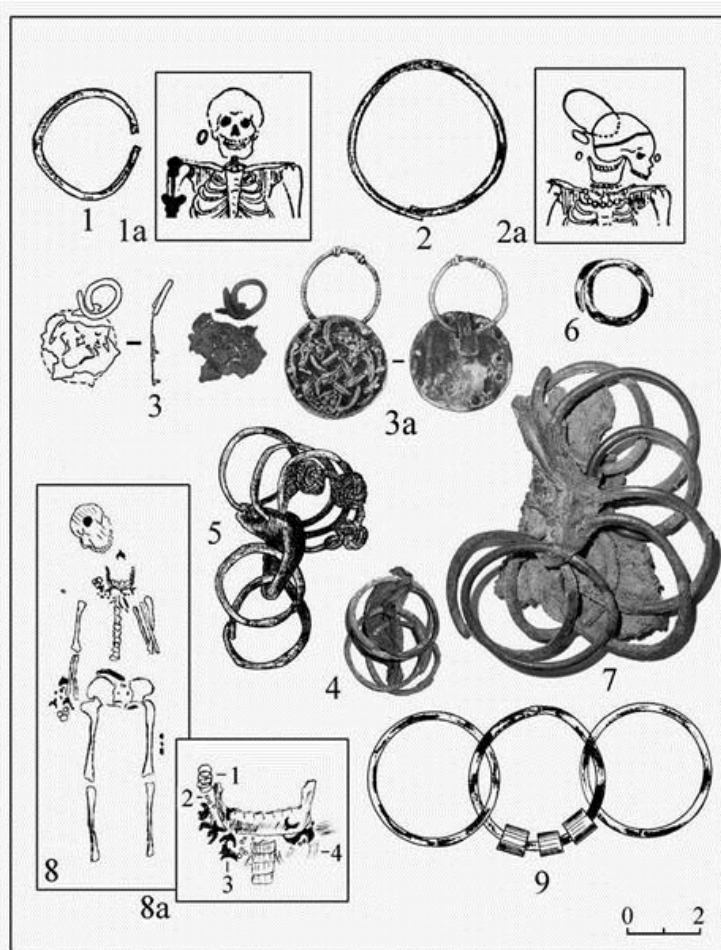
⁴⁷ См.: *Формозов А.А.* П.Н. Милюков и археология // *Российская археология*. 1995. № 2; *Коников Б.А.* Археология в работах П.Н. Милюкова // *Археология Сибири: историография и источники*. Омск, 1996; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 178–179, 183.

⁴⁸ См.: *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984.

⁴⁹ См.: *Щавелёв С.П.* Д.Н. Анучин и Д.Я. Самоквасов: моменты научного сотрудничества // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Материалы VI международного научного семинара, посвящённого 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Ч. II. Омск, 1998. С. 130–132.

⁵⁰ См. подробнее: *Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции. М., 1995; *Его же.* Археология и идеология // *Вопросы философии*. 1993. № 2.

Белого Суджанского уже уезда — городища, селища, курганные группы и особенно трудные для визуального обнаружения «поля погребальных урн», то есть бескурганные могильники; выкупил у местных жителей целый ряд случайных находок древних монет, образцов оружия и иных вещей курганно-городищенского круга; записал рассказы крестьян об этих памятниках старины. Главным же результатом его работы стала «Археологическая карта бассейна реки Псла в пределах Обоянского уезда»⁵¹. Она практически полностью отвечает даже современным требованиям к такого рода научным документам — по точности и полноте описания, перспективной системе условных обозначений разных типов памятников (вплоть до числа насыпей в курганных группах).

*Находки 1909 года из кургана № 1 Гочевского могильника.
Атлас гочевских древностей. М., 2015.*

Решающую роль сыграл Сосновский в издании материалов гочевских раскопок курян 1909 года под руководством Самоквасова. Императорская Археологическая комиссия предложила для этого один из своих печатных органов, но предлагала поместить там только наиболее типичные из гочевских древностей. Профессор гневно отверг это антинаучное, по его

⁵¹ *Сосновский К.П.* Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла ... // Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 2. Курск, 1915.
402

убеждению, предложение. «Я не имею права, — писал он в ответ А.А. Спицыну, — “разрешить” или воспретить Комиссии издание “типичных вещей” из коллекции древностей, выкопанных в текущем году в окрестностях с. Гочева Курской губернии; но думаю, что субъективный выбор из могильного содержания, издания таких вещей, и выводы, на них основанные, приносят русской науке больше вреда, нежели пользы. На днях выяснилась возможность издать гочевские древности полностью дешёвым способом, в пределах моих средств, и я к нему уже приступил»⁵².

Из 278 погребений, раскопанных им с Сосновским и другими курскими помощниками в гочевском курганнике, он выбрал содержание 26 для ежегодной выставки ИАК по итогам полевого сезона — «как наиболее ценное, оригинальное и интересное в археологическом отношении». А полностью могильные комплексы, открытые этой экспедицией, подготовили к печати куряне во главе с Сосновским. Уже после кончины профессора, в 1915 году, по материалам отредактированных им полевых записей и выправленных им же рисунков вещей самых богатых могильных комплексов, вышли в свет «Дневник раскопок в окрестностях села Гочева...» и большеформатный «Атлас гочевских древностей...» Эти издания до сих пор держат, по нашим наблюдениям, своеобразный рекорд по частоте цитирования и повторного репродуцирования археологами-славистами⁵³.

Следующая *экспедиция в Курске в 1910 году*, когда Сосновский с Кобылиным выезжали на место случайной находки так называемого «щигровского сфинкса» — цельной глыбы песчаника, похожей на стилизованного коня или верблюда. Фигура, принятая было за статую, изваянную древним человеком, оказалась на поверку игрой природы⁵⁴. На всякий случай Сосновский получил открытый лист ИАК и сделал траншейную раскопку на месте обнаружения «статуи», но предельно точная фиксация им почвенной стратиграфии не выявила следов культурного слоя в соответствующем овраге⁵⁵.

Свои историко-краеведческие мероприятия Сосновский успешно сочетал с выполнением своих служебных обязанностей по акцизу, получив в Курске высокий чин действительного статского советника, несколько орденов, включая св. Владимира III степени, и денежных наград от министра финансов. В марте 1914 года его перевели «на таковую же должность» в Лифляндское акцизное управление, и там его следы для нас теряются. Если он дожил в Прибалтике до революции, место службы могло бы облегчить ему эмиграцию.

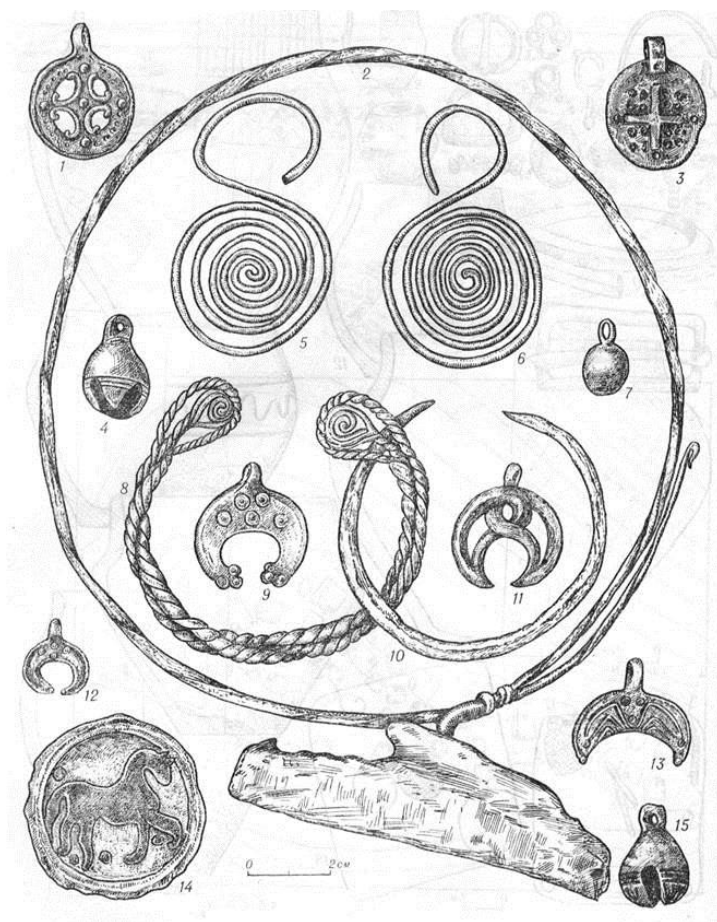
---

⁵² Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 1. Оп. 1908 г. Д. 162. Л. 15.

⁵³ См.: Зорин А.В. Русы и северяне: из истории военного противостояния // X Legio. Военно-исторический портал античности и средних веков.

⁵⁴ См.: Кобылин А.Н., Сосновский К.П. Щигровский сфинкс (Каменная фигура в Курском музее) // Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 2.

⁵⁵ См.: Сосновский К.П. Дневник раскопок в овраге «Волчий Верх» близ деревни Плоховки Никитской волости Щигровского уезда // Там же.

Атлас гочевских древностей. М., 2015.

Перед отъездом из Курска Сосновский позаботился, чтобы раскопки здесь не прекратились. Он выхлопотал у Императорской Археологической комиссии, списавшись с её секретарём А.А. Спицыным, открытый лист и денежное пособие для продолжения работ на Гочевском курганнике. В очередную экспедицию туда отправились новички — выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1905–1910) и вольнослушатель Московского Археологического института (1907–1910), учитель истории Курского реального училища *Павел Сергеевич Рыков* (1884–1942) и учащийся курской гимназии Лев Николаевич Соловьёв (о котором в следующей главе речь пойдёт подробнее). Оба молодых человека стали впоследствии известными советскими археологами. А в 1912 году подающие надежды, энергичные юноши получили право «продолжить исследования, произведённые в 1872, затем в 1909 годах профессором Д.Я. Самоквасовым»⁵⁶.

⁵⁶ Рукописный архив СПбИИМК, Ф. 1. Оп. 1908 года. Д. 116. Л. 1.

Павел Сергеевич Рыков (1884–1942) — археолог, исследователь курских курганов, профессор Саратовского университета, в «Шрудах» коего опубликовал работу о них.

Сосновский рекомендовал им «повести раскопки планомерно», то есть не в разных местах могильника наудачу, как с рекогносцировочной целью делалось ранее, а скрыть все насыпи подряд на одном определённом участке обширной площади памятника. Посланцы учёной архивной комиссии так и сделали — в течение 5 недель, при помощи гочевских крестьян, пообвыкшихся в раскопках у Самоквасова и при самочинном кладоискательстве, они раскопали целиком, на снос (а не траншеей, как дельвали наши археологи ранее, заведомо теряя часть информации о погребении) 109 курганов, обнаружив там общим счётом 111 погребений. Находки подтвердили самоквасовскую атрибуцию основной части гочевских могил как славянских, причём накопившихся за несколько веков. Профессор вычленял здесь разные типы могил: захоронения остатков кремации покойников на стороне в керамических урнах; погребения с обугленными костяками и богатым инвентарём; гробницы христианского обряда, почти без вещей. Рыкову и Соловьёву удалось уверенно проследить в Гочеве переход от полного, затем частичного трупосожжения к трупоположению в земляных ямах и, наконец, в гробах; то есть поэтапному переходу здешнего населения от языческого мировоззрения к христианскому.

Снимок 1900-х годов. Архив автора.

Через несколько месяцев после этих раскопок Рыков переехал из Курска в Вильно, где ему предложили более престижное и денежное место учителя гимназии. Одновременно он заведовал музеем древностей при Виленской публичной библиотеке. Материалы гочевских раскопок ему удалось издать позднее, уже в Саратове, где он обосновался после революции, с 1920 года, и по рекомендации В.А. Городцова профессорствовал в университете, создал и возглавлял до своего ареста и убийства чекистами археологическую школу Поволжья⁵⁷. Эту публикацию

---

⁵⁷ См. подробнее: *Щавелёв С.П.* Курский дебют П.С. Рыкова как археолога-полевика // Сеймские берега. Курск, 1995. № 3; Перепечатано под тем же названием в кн.: Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 4. Саратов, 1994. С. 160–166; *Худяков М.Г.* 25-летие научной деятельности проф. П.С. Рыкова // Советская этнография. 1935. № 2; *Синицын И.В., Степанов П.Д.* Памяти Павла Сергеевича Рыкова // Советская 406

он благородно посвятил памяти Д.Я. Самоквасова, «отдавшего много любви, времени и личных средств родной науке»⁵⁸.

В дальнейшем богатейший гочевский некрополь копался по открытым листам Императорской Археологической комиссии ещё несколько раз и курскими, и приезжими археологами. В 1913 году этим занимался тогда «окончивший курс в Московском Археологическом институте» *Владимир Селиверстович Львович*. Он тоже служил в акцизном управлении Курской губернии, начальник коего Сосновский, видимо, и приобщил его к полевой археологии. В 1911 году он участвовал в раскопках Херсонеса, которыми руководил опытный археолог, член Императорской Археологической комиссии Роберт Христианович Лепер (1865–1918⁵⁹), так что некий полевой навык должен был приобрести. В Гочево его послала П.С. Уварова, как видно, чтобы «не уступать» богатого памятника «конкурентам» из Петербурга. На долю её посланца пришлось 35 могильных насыпей. Большинство среди этих погребений составили труположения на материке, ориентированные головой на запад; остальные захоронения совершались в ямах глубиной 20–30 см. Находки обычны для данного некрополя — женские украшения прежде всего. «Самая интересная вещь, — по оценке рецензировавшего отчёт А.А. Спицына, — серебряная тонкая гривна с широким сгибом, найденная где-то «на голове». Вердикт маститого археолога оказался неприятным для археолога начинающего: «Детали устройства насыпей и обряда погребения не были достаточно уяснены»⁶⁰ раскопщиком. Приговор не совсем справедлив — ведь Львович фиксировал все находки помогильно, отмечая в полевом журнале их расположение относительно скелета и прочих характеристик каждого кургана. Тогда как Рыков комплексного подхода к погребениям не соблюдал, в самом полевом дневнике находки группировал по типам — оружие к оружию, украшения к украшениям и так далее, что в то время уже было крупным пороком археологической методики.

В том же 1913-м, затем в 1915-м годах в Гочеве работал член-сотрудник Императорского Русского Археологического общества *Владимир*

археология. 1964. № 1; *Максимов Е.К.* Павел Сергеевич Рыков (К 100-летию со дня рождения) // Археология восточно-европейской лесостепи. Саратов, 1989; *Максимов Е.К., Войтенко Л.А.* Новые материалы о П.С. Рыкове и Н.К. Арзютове // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI Рыковских чтений. Саратов, 1994; Павел Сергеевич Рыков (1884–1942). Биобиблиографический указатель / Сост. *Л.В. Гусева, Л.С. Павлова, Н.С. Ростоккина*. Саратов, 2009.

⁵⁸ См.: *Рыков П.С.* Юго-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии) // Учёные записки государственного Саратовского университета. Т. 1. Вып. 3. Саратов, 1923.

⁵⁹ Скончался в революционном Петрограде от истощения, успев узнать о расстреле большевиками сына.

⁶⁰ Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1913–1915 годы. Пг., 1918. С. 170.

Нилович Глазов (1872–1933) ⁶¹, всего раскопавший 206 насыпей (с труположениями на дневной поверхности и в ямах) и обследовавший городище «Крутой Курган» ⁶². Этот военный, офицер жил в городе Вельске, служил земским исправником Гдовского уезда, и на досуге увлекался раскопками — курганов и жальников Северо-Западного края, а затем и других памятников старины. Историк русской археологии Н.И. Платонова так характеризует его деятельность: «... Был в археологии самоучкой и отнюдь не претендовал на учёность. ... Он не подготовил самостоятельно ни одной заметки, ни одного сообщения для печати [утверждение не вполне справедливо — С.Щ.]. Однако полевые дневники («журналы раскопок») велись им на редкость подробно и тщательно. Их Владимир Нилович регулярно представлял в Императорскую Археологическую комиссию вместе с коллекциями добытых вещей. А там уж неутомимый А.А. Спицын трудился над обобщением полученных данных и готовил их к печати. В результате материалы В.Н. Глазова вводились в "большую науку", минуя местный, краеведческий уровень. Они оперативно публиковались в центральной археологической периодике — "Записках" Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества, "Отчётах" Императорской Археологической комиссии, "Материалах по археологии России"» ⁶³. Для своего времени методика этих раскопок стояла на должном уровне. Материалы гочевских раскопок В.Н. Глазова в дальнейшем неоднократно использовались следующими исследователями этого уникального археологического комплекса на Верхнем Псле ⁶⁴. Сохранившиеся в архивном фонде Императорской Археологической комиссии отчёты всех этих раскопок с большой пользой используются современными исследователями археологического Гочева, тем более, что за прошедшие с тех пор десятилетия многие его части оказались разрушены хозяйственной деятельностью — распашкой и прокладкой ЛЭП.

Как видно, после К.П. Сосновского и П.С. Рыкова археологов среди курян не осталось. Л.Н. Соловьёв поступил учиться в Харьковский университет и в Курск вернулся только после завершения Гражданской войны. Однако тех немногих «варягов», кто изъявлял желание поработать на курских памятниках, учёная архивная комиссия всячески поддерживала.

---

⁶¹ См. о нём: *Медведева М.В., Соболев В.Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. Вып. 20. СПб., 2014; С. 395–426; *Дорошенко А.* Странный начальник // Сланцевский альманах / Ред.-сост. *В.В. Аристов.* 2015. Вып. 1. С. 56–66.

Инвалид Германской войны, где потерял ногу. Тем не менее продолжал раскопки, а затем воевал на стороне белых в Гражданской войне, последние годы жил в Болгарии.

⁶² Отчёт о раскопках Гочевских курганов в Обоянском уезде Курской губернии // Рукописный архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1915 года. Д. 93.

⁶³ *Платонова Н.И.* Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – первая треть XX века: Н.П. Кондаков, В.Р. Розен, А.А. Спицын, Ф.К. Волков, А.А. Миллер) // Археолог: детектив и мыслитель. Сб. статей, посвящённый 77-летию Л.С. Клейна / Отв. ред. *О.А. Щеглова.* СПб., 2004. С. 44–45.

⁶⁴ *Глазов В.Н.* Отчёты о раскопках в Обоянском уезде в 1913–1915 годах // Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1913, 1915 годов. Д. 123, 93.

Особенно важными для начальных разделов археологической науки могли оказаться раскопки, предпринятые в июле 1906 года на берегу речки Рагозны, притока Сейма, в районе деревни Умрихиной и села Старкова Курского уезда. Их по собственной инициативе произвёл гость города — *В.П. Канишин*, «любитель-археолог, помощник инспектора классов Владимирского кадетского корпуса в Киеве» (как его аттестовали при скором приёме иногородним членом Курской комиссии).

Заехав на короткое время в Курск, как видно, по лично-семейным делам, киевлянин случайно узнал о частых находках бивней и других костей мамонта крестьянами только что отмеченных селений — в соседних с ними оврагах, размываемых половодьями. Один из крестьян — Даниил Умрихин привёл на место находок учителя Старковской земской школы М.В. Пожидаева. Тот ничтоже сумняшеся накопал здесь несколько фрагментов мамонтовых бивней и перевёз их в музей наглядных пособий Курского губернского земства.

Ход мыслей Каншина, осмотревшего эти земские экспонаты, оказался вполне и даже на удивление для того времени (весьма туманных представлений о древнейшем прошлом человечества) логичен. Он решил в натуре изучить явно гбгнувшие для науки свидетельства палеолита. Недолго думая, нанял извозчика и двинулся в Умрихино на вполне каникулярную экскурсию, — «чтобы поискать следов современного мамонту человека»⁶⁵. В историографическом отношении любопытно отметить, что 90 лет спустя этой импровизированной экспедиции в Курске вышла из печати работа современного исследователя, тогда аспиранта Института археологии РАН под таким же точно названием, как у Каншина⁶⁶.

А тогда, летом 1906-го, революционного, между прочим, года, когда по губернии прокатилась огненная волна погромов помещичьих усадеб, просвещённый киевлянин при участии начальника уездного земства К.Н. Родионова заложил в мамонтоносном овраге раскоп. Среди найденных ими костей «удалось обнаружить расколотую при помощи каменных орудий мозговую кость мамонта», а кроме того, «обломок кости с ясными следами обделки и грубо обделанный топор [рубил? — С.Щ.] палеолитической эпохи».

Налицо неожиданно крупный успех любителей археологии, к сожалению, своевременно недооценённый ни самими первооткрывателями, ни специалистами из академической среды. Меж тем вывод из сделанного по горячим следам открытия доклада Каншина перед собранием Губернской учёной архивной комиссии оказался вполне точен: «И то обстоятельство, что в оврагах Умрихина-Старкова находятся кости многих экземпляров

---

⁶⁵ См.: *Канишин В.П.* Умрихинский мамонт и следы человека палеолитической эпохи // Труды Курской ГУАК. Вып.1. С. 115; также см.: Чтения в Обществе Нестора-летописца. Т. XX. Вып. 2. С. 45; Известия ИАК. Вып. 21. С. 1.

⁶⁶ См.: *Чубур А.А.* Система «человек-мамонт» в бассейне Сейма. Курск, 1994.

мамонта, ... указывает на то, что здесь была стоянка человека, от рук которого погибали эти гиганты животные»⁶⁷.

Похоже, что на энергичные и результативные поиски сеймского палеолита любознательного киевлянина очень вовремя сориентировали раскопки 1893–1902 годов, которые произвёл *Викентий Вячеславович Хвойка*⁶⁸ на Кирилловской улице Киева. Там, на аналогичной, судя по всему, стоянке эпохи камня среди прочих находок «был найден ... кусок бивня мамонта, украшенный резным орнаментом — ... один из древнейших памятников искусства»⁶⁹ на всей Земле. Эта находка и прочие произведения палеолитической индустрии, множество костей представителей четвертичной фауны выставлялись на всеобщее обозрение в Киевском музее древностей и искусства, неоднократно репродуцировались в учебниках истории⁷⁰. Так что начитанный педагог Каншин заранее знал, что делал, расходуя свои деньги и отпускное время на археологическую поездку в Старковскую волость.

Знать бы ещё ему, что на подъезде к его непосредственной цели, у края ближнего селения Авдеева побережье той же речушки Рагозны таит в себе не только схожие орнаментированные бивни, но и гораздо более замечательные изделия охотников на мамонтов. Их вместе с целым стойбищем людей финального палеолита откроют только в 1941 году опять-таки местные крестьяне и разведают курские музейщики (о чём ещё будет изложено мной специально).

Поскольку находчики следов каменного века на Курской земле копали, по всей видимости, без открытого листа, то есть по сути дела незаконно, то Императорская Археологическая комиссия своевременно не узнала об этом открытии. Отсутствие соответствующего отчёта в её архивном фонде не позволило приоритетным находкам Каншина попасть в научный оборот. В сводке А.А. Спицына «Русский палеолит» умрихинское местонахождение упомянуто почему-то со знаком вопроса и без каких-то уточнений о характере находок. Так что когда в 1930 года уже советского специалиста по эпохе камня С.Н. Замятнина вызвали обследовать новое обнаружение мамонтовых костей и кремнёвых орудий под Рыльском, прямо в деревне Сучкине (ныне село Октябрьское), он назвал свою публикацию о данной

---

⁶⁷ Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 1. С. 55.

⁶⁸ *Викентий Вячеславович (Частослав) Хвойка* (1850–1914) — украинский педагог, археолог-самоучка. Сделал удивительно много открытий новых археологических культур — при дилетантском подходе к раскопкам.

См. посвящённый ему сб.: История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки (Киев, 5–8 октября 2010) / Отв. ред. *Н.И. Платонова*. СПб., 2011.

О взглядах В.В. Хвойки на палеолитическую культуру см. в этом сборнике статьи: *Н.И. Платонова, М.В. Аникович, Н.К. Анисюткин*. Проблема палеолитического человека в отечественной науке (XIX–XX века); *Радиевский Т.Н., Беленко Н.Н.* Первый археологический опыт Викентия Хвойки.

⁶⁹ Киевские губернские ведомости. 1900. № 171. 9 августа. С. 3.

⁷⁰ См. например: *Багалея Д.И.* Русская история. С картами, планами и снимками с памятников древности искусства. Т. 1. М., 1914. С. 162.

экспедиции «Первая находка палеолита в долине Сейма». Не ведая об «умрихинском мамонте», исследователь рассуждал о «белом пятне на карте палеолита СССР»⁷¹.

На этом примере, точно так же как в упомянутом выше случае с археологической картой Курского края, лишний раз можно убедиться, какие досадные утраты понесла русская наука, попав в революционный разлом культурных традиций после 1917 года (о том, как большевистские руководители третировали и уничтожали «Труды» Курской учёной архивной комиссии, рассказывается в следующей главе). Шире глядя, налицо прямой убыток ценной информации, вызванный недооценкой археологами-практиками историографии своей науки.

В архиве и протоколах комиссии оказались зафиксированы *случайные находки разных древностей*, в том числе остатков древнейшей фауны на территории Посеймья. Так, в 1915 году исправник Льговского уезда К.С. Булгаков доложил о вынутых им из песка Подгородней слободки Льгова больших костях, которые местный фельдшер признал мамонтовыми. Предприимчивый полицейский просил у Комиссии денежного вознаграждения за эти кости, но судя по сохранившейся переписке по этому вопросу, сделка не состоялась⁷².

А вот некий г-н Тарасенко вполне бескорыстно сообщил Комиссии «о найденных близ села Кругленького Суджанского уезда костях мамонта» и каменных орудиях при них.

Завершая обзор археологической деятельности самой комиссии и с её поддержкой, упомяну сохранившиеся в РГАДА, в фонде МАМЮ «Сведения о сохранившихся на территории Курской губернии крепостных и подземных сооружениях» за 1913–1914 годы⁷³. По всей видимости, это ответ курян на запрос архивариуса Московского архива министерства юстиции и члена ИМАО *Игнатия Яковлевича Стеллецкого* (1878–1949). Этот земляк и сотрудник Д.Я. Самоквасова был увлечён, между прочим, романтическими, но, кажется, наивными поисками якобы спрятанной в московском Кремле библиотеки Ивана Грозного и прочими спелеологическими, так сказать, вопросами археологии. Им было даже основано «Общество по изучению подземной старины»⁷⁴. Кроме основного объекта своих интересов — подземных ходов и тайников в объектах старинной архитектуры, последователи Стеллецкого осматривали заброшенные погреба, фундаменты,

---

⁷¹ *Замятнин С.Н.* Первая находка палеолита в долине Сейма // КСИИМК. Вып. 8. М.–Л., 1940. С. 98; *Спицын А.А.* Русский палеолит // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Т. XI. Пг., 1915. С. 159.

⁷² ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 50–51 об.

⁷³ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Ч. 5. Д. 871. Л. 1.

⁷⁴ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119. Л. 4. См. также о спелеологических причудах этого археолога-любителя: *Стеллецкий И.Я.* Мёртвые книги в московском тайнике. Документальная история библиотеки Ивана Грозного. М., 1993.

пещеры и тому подобные своего рода парапамятники старины. Пользы для науки и культуры от подземной романтики я не вижу — никакой информации о былой истории ходы и норы не содержат ⁷⁵.

Земляк Д.Я. Самоквасова и его сотрудник по Московскому архиву Министерства юстиции Игнатий Яковлевич Стеллецкий.

Из статьи «Первый российский диггер» в «Московском журнале».

Кроме проблем археологии, в печатных изданиях и архивных бумагах комиссии, как-никак ведь всё ж таки архивной, широко представлены *краеведческие разыскания, выполненные по письменным источникам.*

Больше других этим занимался неутомимый любитель истории А.А. Танков, с которым я уже знакомил читателей. Он составил очерки освобождения крестьян в губернии; деятельности уездных училищ в Рыльске, Фатеже, Курске, Белгороде, Короче с момента их основания в конце XVIII – начале XIX века; переселения курских крестьян в более южные губернии на свободные земли в 1810–1816 годы; жизни Курского края в

---

⁷⁵ В нынешнем Курске таким краеведом-диггером выступает журналист Виктор Васильевич Крюков, периодически помещающий в «Курских известиях» отчёты о своих спусках в канализационные шахты вокруг бывшего детинца летописного Курска. Между тем заведомо ясно, что народная молва о длиннющих подземных ходах из крепостей да монастырей просто констатирует, причём преувеличивает действительные элементы средневековой фортификации — тайные пути к воде или просто выхода из осаждённого укрепления.

Автор этих строк сопутствовал сотруднику Института археологии РАН Юрию Юрьевичу Моргунову, присматривавшего в 1994 году объект для возможных раскопок на территории Курской области. В Глушковском районе наше внимание привлекло городище Лещиновка, окружённое несколькими селищами. В близлежащем селе местные жители показали провал на одном из огородов. Там открывался подземный ход с кирпичным сводом. Ход явно вёл на городище, до которого было около километра. Моргунов определил кирпич как позднесредневековый и рекомендовал озадаченным крестьянам ход засыпать.

Следы заложенного плахами хода к речному руслу были выявлены раскопками В.В. Енукова и на Ратском городище у села Беседина Курского района.

царствование Петра I; зафиксировал некоторые другие «искорки курской старины» — излюбленный подзаголовок краеведческих публикаций этого автора ⁷⁶.

*Городище у деревни Лешиновки Глушковского района Курской области.
Фото с сайта Командировка.ru*

Однако выдвинуться в число руководителей комиссии ему не дали более чиновные и политически консервативные краеведы. Вотчиной Танкова оставались газетные страницы. Но он пожелал, как видно, академизировать свою учёную репутацию, а заодно покрыть либерально-демократические «грешки» молодости, когда он начинающим педагогом читывал с курскими гимназистами Д.И. Писарева да В.Г. Белинского. В 1913 году, очень вовремя, вышел в свет толстый том истории курского дворянства, составленный Танковым ⁷⁷. Деньги на роскошное иллюстрированное издание собрали вкладчину представители богатых помещичьих семейств губернии, чьи парадные фотографии завершали книгу.

Этот главный труд патриарха курского краеведения производит двойственное впечатление. С одной стороны, представленный им обзор военно-политической и отчасти социальной истории региона от эпохи летописных северян до начала Нового времени вышел самым полным из дореволюционных опытов той же тематики (дворянство автор толковал исторически предельно широко — по дружинно-боярско-воеводско-чиновничьим этапам эволюции служилого сословия русской монархии). Некоторые из предложенных им версий развития края в Средние века до сих пор всплывают в публикациях историков и археологов. С другой же стороны,

---

⁷⁶ См.: Танков А.А. Освобождение крестьян в Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1889. № 48-49; *Его же*. Училищная летопись Курского края (исторические очерки) // Там же. 1888. № 45-47; *Его же*. Старинные переселения крестьян Курской губернии // Там же. 1888. № 70, 81; *Его же*. Курский край в начале царствования Петра Великого // Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 2.

⁷⁷ См. *его же*: Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. М., 1913.

удивляет соседство с оригинальными фактами и мыслями приравненных к ним, хотя явно легендарных сюжетов. Допустим, безбоязненно пересказывается Танковым монашеская беллетризация поверий о находке Коренной иконы якобы в XIII веке. Хотя за год до опубликования его «Летописи» сами «Курские епархиальные ведомости» поместили вполне здравый с точки зрения критики исторических источников комментарий к соответствующей монастырской «повести», выполненный семинарским преподавателем М.П. Парманиным. Но историка местного дворянства в тот момент, вероятно, слишком заботила служебная карьера, от представителей этого дворянства напрямую зависящая, да и журналистский бес мог толкать под руку, когда следовало бы отказаться от псевдоисторического украшения в общем-то капитальной и долговечной его монографии, главного труда жизни замечательного провинциального историка.

Исторические опусы других членов комиссии посвящались куда более частным темам, их источниковедческая подоплёка заметно поверхностней, нежели в работах А.А. Танкова и Н.И. Златоверховникова.

Хотя Комиссия и называлась архивной, *работа с документальными памятниками курской истории* оставалась у неё на заднем плане. По идее устроителей и покровителей всех этих учреждений из министерского Петербурга, комиссии должны были заниматься «созданием и устройством исторических архивов для каждой губернии, преимущественно путём рассмотрения присылаемых учреждениями описей предназначенным к уничтожению делам сих учреждений и выделения из них имеющих научное значение»⁷⁸.

Но архивное дело в провинции даже при наличии кое-где специальных комиссий по созданию и хранению архивов продвигалось крайне туго, прежде всего по отсутствию денег на оплату архивариусной работы. В 1912 году Императорское Русское Археологическое общество по поручению Совета министров обратилось ко всем архивным комиссиям, археологическим и историческим обществам, действовавшим в стране, с вопросником «о положении архивного дела в Империи, а равно о тех мерах, которыми можно было бы предотвратить нередкую гибель письменных источников нашей истории»⁷⁹.

Куряне в ответ на эту очередную попытку всколыхнуть болото архивной рутины собрали сведения о 40 архивах действовавших тогда государственных учреждений губернии. Из них 24 оказались в удовлетворительных по части сохранности документов помещениях, а 16 — в условиях, документы губящих (сырость, загромождённость, пожароопасность). В 11 архивах сохранились дела XVIII столетия, начиная с 1722 года. «Если при этом вспомнить о многовековом существовании многих

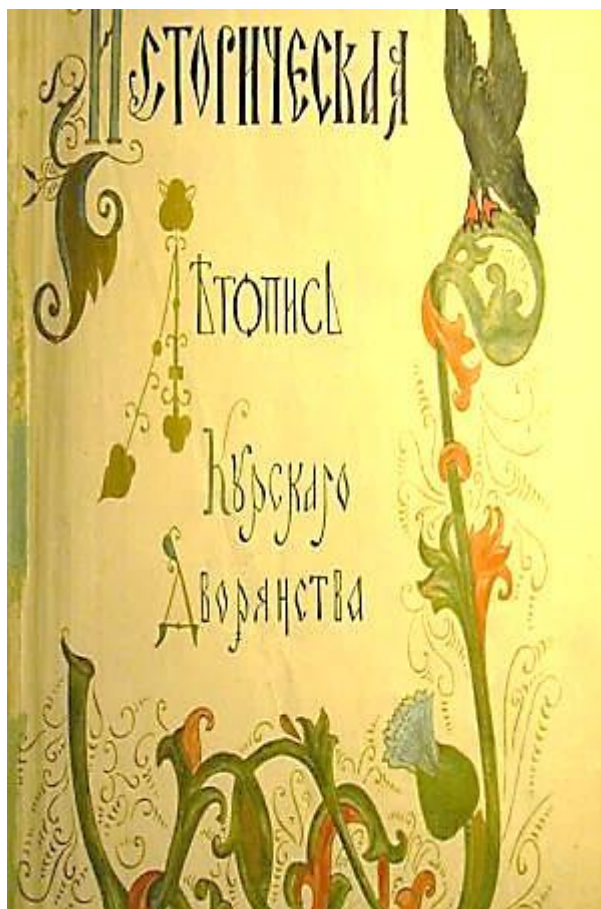
---

⁷⁸ ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.

⁷⁹ Годичное общее собрание Императорского Русского Археологического общества ... 1913 г. СПб., 1913. С. 23.

русских городов, то станет ясно, какая масса исторического материала уже погибла»⁸⁰.

Обложка монографии А.А. Шанкова.

Однако и в Курске, и во всех остальных регионах Российской империи Архивные по названию комиссии оставались «материально совершенно не обеспечены и не имеют возможности производить затраты даже на изучение и приведение в известность архивных материалов, не говоря уже об их собирании [в центральный архив губернии — С.Щ.]. Комиссиям необходимы средства, чтобы они могли посылать своих членов для осмотра архивов и разыскания ценных материалов, для составления описей и перевозок древнейших письменных памятников в безопасные и доступные для занятий помещения»⁸¹.

В 1915 году Курская комиссия отпечатала и распространила по ведомствам губернского центра и уездам листовку о сборе вотчинных (конторских) дел у землевладельцев, относящихся к периоду до 1870-х годов — «для истории хозяйственного быта отдельных местностей России».

---

⁸⁰ К съезду представителей губернских учёных архивных комиссий, устраиваемому Императорским Русским Археологическим обществом. СПб., 1914. С. 8.

⁸¹ Там же. С. 9.

Однако заметных плодов это мероприятие не принесло, поскольку реформа архивного финансирования продолжала буксовать наверху бюрократической пирамиды, всецело поглощённой в эти годы уже не гражданскими, но военно-революционными проблемами.

Своего исторического, центрального для губернии архива в Курске так и не сложилось — вплоть до 1918 года, когда согласно соответствующему декрету Совета народных комиссаров, подписанному лично В.И. Лениным, архивы в центре и на местах оказались наконец хоть как-то централизованы и материально поддержаны уже большевистским государством.

Профессор Владимир Иванович Резанов (1867–1934) — этнограф, литературовед; собиратель этнографических сведений о Курской губернии. Портрет по: Энциклопедия українознавства. Львов, 1993.

С началом Мировой войны Курская архивная комиссия успела поддержать инициативу великой княжны Ольги Николаевны о записи рассказов русских воинов о ходе боевых действий, в которых они участвовали; в особенности раненых по лазаретам. Помимо определённого терапевтического воздействия на души искалеченных защитников Родины, соответствующие стенограммы из архива комиссии стали немаловажным источником начала Новейшей истории Отечества, почином нового направления в исследовании прошлого — так называемой устной истории, ныне вновь набирающей популярность среди историков и краеведов.

Кое-что сделала губернская комиссия для того, чтобы продолжить *этнографические работы*, традиционно приносившие на *Курицине* замечательные результаты.

Уроженец Обоянского уезда *Владимир Иванович Резанов* (1867–1936) закончил курскую гимназию, а затем Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. Служил учителем в родном Курске (1891–1899), а затем — преподавателем, профессором того же лицея, ставшего после революции Институтом народного образования; наконец, стал советским членом-корреспондентом Академии наук (с 1923 года)⁸².

Его сестра, *Екатерина Ивановна Резанова* (1866 – после 1930), учительствовавшая в отдалённых сёлах Суджанского, Обоянского уездов, неоднократно докладывала и публиковала в изданиях архивной комиссии материалы составлявшегося ею обширного сборника «Детские игры, сороки, гадания, суеверия, сказки курских крестьян».

Ростислав Львович Марков (1849–1912), младший брат более известных писателей и политиков из щигровской помещичьей династии (упоминавшихся выше в главе о периодике), подготовил весьма оригинальные рефераты «О “курских саянах” и о “голубце” на Красной поляне Щигровского уезда»⁸³ — явно фантастическом поверии местных жителей о якобы похороненной там голове крымского-татарского богатыря. Хотя этот автор оказался слишком доверчив к историческим фантазиям своих земляков (этнографически оригинальная группа «саянов», скорее всего, — совсем не прямые потомки летописных северян, а обряд «катания головы вокруг Голубца», наоборот, явно древнее возможной битвы 1709 года курян с ногайцами), но записанные им фольклорные версии очень пригодились будущим этнологам, включая классиков этой науки; на них до сих пор ссылаются исследователи народной культуры русских⁸⁴.

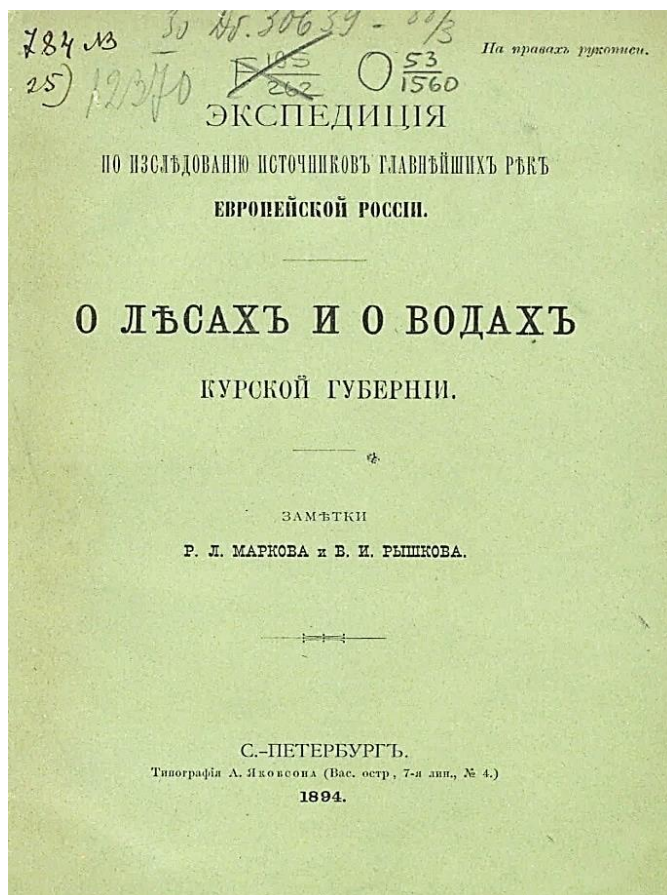
---

⁸² См. его труды: *Резанов В.И.* Материалы по этнографии Курской губернии. Тт. I–II // Курский сборник. Вып. 3–4. Курск, 1902–1903; *Его же.* Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского, Тт. III–IV. СПб., 1906, 1916; *Его же.* Экскурс в область иезуитского театра. Нежин, 1910; *Его же.* Из истории русской драмы: школьные действия XVII–XVIII веков и театр иезуитов. М., 1910; *Его же.* Школьные драмы польско-литовских иезуитских коллегий. Нежин, 1916. Драма українська. Старовинний театр український, Тт. I–VI, Київ, 1925–1929; До історії літературних стилів: Поетика ренесансу на терені України і Росії, Ніжин, 1931.

⁸³ Недавнее переиздание, неизвестно зачем предпринятое: Битва на Красной поляне. СПб., Русский остров, 2005. 32 с.

⁸⁴ См.: *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь. Исследование религии и магии. М., 1980. С. 77; *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. С. 76, 110; *Панченко А.А.* Почитание каменных крестов на Северо-Западе России // Живая старина. 1996. № 3. С. 43.

Остались от этого писателя и очерки южнорусской природы, записанные после поездок по просторам Курщины и сопредельных с ней регионов⁸⁵.

Обложка природоведческой брошюры Р.Л. Маркова и В.И. Рышкова.

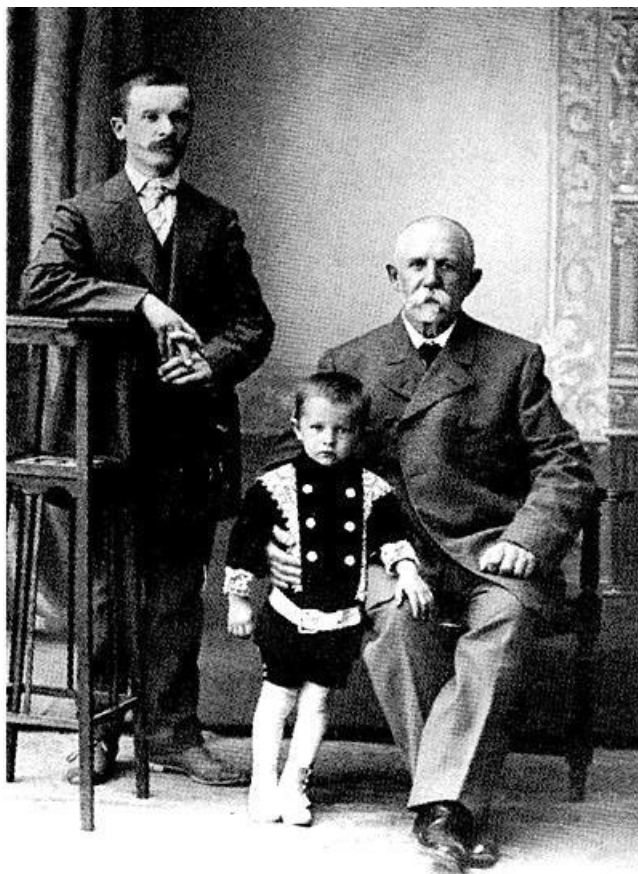
Большинство рукописей Р.Л. Маркова остались неопубликованными и утратились из архива комиссии. Среди них такие, например, краеведческие перлы, как «Летописный Ин-град — город Ратман — языческая столица северян»; «Следы былого нахождения языческих святилиц в Курской Северщине»; «Старинные народные игрища», «О курганах», «Языческие игрища и жрецы славян», «Мифология древних славян», «Языческие храмы славян», «О старорелигиозном значении народных пиров, тризн, поминальных обедов», целый ряд ещё в таком же духе. Несмотря на вполне фантастический стиль такого рода писаний, в них встречаются небезынтересные и для современных исследователей факты и наблюдения⁸⁶.

---

⁸⁵ Современное переиздание: *Марков Р.Л., Рышков В.И.* О лесах и о водах Курской губернии. М., 2011. 34 с. (Экспедиция по исследованию источников главнейших рек Европейской России).

⁸⁶ Ср.: *Узянов А.А.* Сакральные зоны Посеймья IX–XIII веков (по археологическим и церковным памятникам) // Конференция «Религиозные представления в первобытном обществе». М., 1987.

Архивная комиссия переняла у статического комитета *роль курского адресата Всероссийских и региональных учёных обществ*. Переписка с ними, обмен изданиями, консультациями о находимых древностях, делегатами для периодически проводимых тогда съездов и совещаний историков, археологов, архивистов — весьма ощутимо поддерживало краеведческое общество в губернии, не давая ему закиснуть в сонноватом провинциальном мире.

Михаил Парманин с 66-летним отцом, купцом Палладием Васильевичем и 4-летним сыном Владимиром. Короча, 1914 год. Фото М. Денисова. По книге В.В. Потапова «Короча: события и люди». Сайт «Летопись Белогорья».

В частности, куряне приняли участие в XII, Харьковском съезде ИМАО уже в 1902 году, ещё не завершив своего организационного объединения. Губстаткомитет посылал на выставку этого съезда 35 археологических экспонатов ⁸⁷.

---

⁸⁷ См.: Каталог выставки XII Археологического съезда в Харькове // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Т. 2. Ч. 2. Харьков, 1902. С. 10.

Новая кандидатская диссертация: *Скирда И.Н.* XII Археологический съезд: передумови, перебіг подій, історичне значення. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Харьков, 2017.

На XIV, в Чернигове АС 1908 года Курскую комиссию представляла целая делегация — Н.И. Златоверховников, А.Н. Кобылин, П.Г. Попов. С ними был «отправлен 561 предмет из Курского историко-археологического музея на выставку при XIV Археологическом съезде».

Поддержала Архивная комиссия и начатое статистическим комитетом *сотрудничество с уездными любителями старины*. У сельского учителя, земского деятеля, помещика с университетским образованием, любознательного «батюшки» из глухого прихода, интеллигентного дачника, отогревавшегося в курской зелени от петербургских туманов или московских выюг, амбициозного купца-мецената и коллекционера предметов старины; у любого другого любознательного обитателя курской глубинки или её временного постояльца появился адрес, по которому он мог обратиться письменно или лично за консультацией на любые темы местной истории и культуры, сдать или продать случайно найденные древности в музей, выступить с сообщением по вопросам краеведения, пристроить рукопись о неких курьёзах для публикации. Значение таких мелких «капилляров» в информационной системе науки, конечно, вторично, но вовсе игнорировать его, тем более историку региональной науки и культуры, не стоит. Помимо постоянной возможности сенсационных находок по непредсказуемому случаю — вроде уже разбиравшихся мной кладов или «мамонтовых кладбищ», прочих редкостей, идущих в руки прежде всего этих чудаковатых в своём большинстве любителей истории родного края, их дилетантские штудии представляют собой, что ни говори, определённое явление отечественной культуры, примету в целом доброкачественного патриотизма, эмбрион гражданского общества.

Вот характерный образчик достаточно культурного краеведения на уездном (районном) уровне — *Михаил Палладьевич Парманин* (1885–1956). Этот купеческий сын, гимназический учитель из уездной Корочи с 1914 года состоял членом Курской архивной комиссии и регулярно сообщал ей разные сведения: записи тамошнего фольклора; точные координаты нескольких городищ и курганов; имена и адреса коллекционеров старинных монет и фотографий. С его помощью из села Яблонова Корочанского уезда в губстаткомитет переслали случайно найденные кости мамонта⁸⁸. Ещё одна находка остатков палеолитической фауны была замечена им в Ухановской волости Суджанского уезда. В дальнейшем Парманин стал одним из лидеров советского общества краеведения в Курске и единственный из его основателей пережил все репрессии, которым они подверглись. Своими заметками в областных и районных газетах на темы местной старины он поставил рекорд краеведческого долголетия — начиная с позднеимперского, предреволюционного времени и вплоть до послесталинского, хрущёвского периода. Я ещё вернусь к его краеведческим достижениям в следующей главе.

---

⁸⁸ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.

Ряд случайных находок курских древностей поступил в иногородние хранилища — не всегда в сельской глубинке ведали о собственной губернской комиссии по разным древностям и её музею, а в иных случаях предпочитали им более именитые академические инстанции. Так, музею Харьковского университета некто А.И. Йост пожертвовал очередные обломки костей, зуба и бивня мамонта, встреченные им в селе Крюкове Белгородского уезда. Туда же М.П. Боткин передал лепные сосуды и «остатки дерева от весьма внушительного по своим размерам столба», добытого им из кургана в имении некоего Солнцевица того же уезда.

Г.Н. Булгаков гимназист. С сайта Горенка.

В одном из уездных городков — Грайвороне даже создали собственный Археологический комитет⁸⁹, куда кроме нескольких образованных горожан избрали кучу почётных членов из столичных и Харьковского университетов. «Крёстным отцом» — почётным председателем этого кружка уездных краеведов они выбрали Н.И. Златоверховникова, который помог им собрать небольшую коллекцию древностей. Фактически

---

⁸⁹ См.: Курский адрес-календарь 1910 года. Курск. 1910. С. 390–391.

Осколочек архивного фонда этого объединения — № 79 — каким-то чудом сохранился в Государственном архиве Белгородской области: запись устного предания в семье дворянина Сергеева о возникновении этого украинного городка Московской Руси.

руководил комитетом Александр Николаевич Огородников, а помогал ему В. Добровольский,

Ещё один коллективный партнёр губернской учёной архивной комиссии — ценители православной старины в губернии. Вслед за некоторыми другими регионами России в Курске в 1910 году открылось *церковное Историко-археологическое общество* (ЦИАО). Эта инициатива принадлежала архиепископу Курскому и Обоянскому Питириму (Павлу Васильевичу Окнову; 1858–1919). Он ещё в 1907 года создал Курское Знаменско-Богородичное миссионерско-просветительское братство, одна из комиссий при совете которого именовалась историко-археологической. Возглавил её сам ректор (аж с 1868 года) Курской духовной семинарии протоиерей Иаков Андреевич Новицкий. Цели нового общественного объединения ставились соответственные его названию: «Собирание, хранение и изучение с научными целями древних памятников русской церковной старины, находящихся в пределах Курской епархии»⁹⁰. Как отмечалось выше, прежние попытки мобилизовать церковников и приходских активистов для решения краеведческих проблем оказались не слишком результативными. А обсуждаемая вроде бы сдвинула дело православной археологии тут с мёртвой точки.

*Георгий Ильич Булгаков в мундире преподавателя духовной семинарии.
1910-е годы. Архив автора.*

Напутствовал новорождённый кружок (его именовали иногда комитетом) церковных историков опытный археолог, член Императорского Московского Археологического общества Николай Иванович Троицкий (1851–?). Этот магистр богословия создал и возглавил церковно-археологический музей в соседней Туле, опубликовал несколько книг и

⁹⁰ Курские епархиальные ведомости. 1910. № 9. 26 февраля. С. 94.

статей по истории центральных епархий, включая Курскую. Пожертвованные им издания легли в основу библиотеки Курского церковно-исторического объединения.

Секретарём и фактическим руководителем последнего стал заведующий епархиальным музеем, молодой преподаватель Курской духовной семинарии *Георгий Ильич Булгаков* (после революции — создатель нового общества курских краеведов 1920-х годов). За военные же и смутные 1910-е годы деятельность историков курской церкви принесла скромные плоды: небольшая экспозиция старинной утвари из храмов епархии; несколько брошюр (Н.П. Сенаторского, Г.И. Булгакова) об архитектуре старейших церквей губернии; документы, иконография по итогам работы «комиссии по обследованию чудес от нетленно почивающего в Белгороде святителя Иосафа» (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского⁹¹.

Ещё одно православное сообщество в Курске «Братство св. Феодосия», в свою очередь, накопило небольшое древлехранилище — своего рода набор наглядных пособий для семинаристов («до 80 предметов, более или менее ценных в церковно-археологическом отношении»).

Сегодня, когда интерес к православной старине вернулся ко многим нашим согражданам, опыт начала XX века выглядит поучительным: тогдашние ревнители христианского благочестия стремились подтвердить свою веру знаниями, фактами; они не довольствовались неквалифицированными мнениями, чем сплошь и рядом пробавляются ныне иереи, а значит, и прихожане Курской епархии по вопросам её исторического прошлого.

* * *

*«Небольшое, но утешение:
Археология — воскрешение.
С годами вещи
Приобретают голос вещей».*

В.Д. Берестов.

Итоги деятельности Курской учёной архивной комиссии за 15 лет её существования в целом следует оценить положительно. Эта организация самодеятельных историков, археологов и этнографов вошла в число нескольких лучших по всей России — судя по объёму и разнообразию результатов её работы на краеведческом поприще. В 1914 году по

---

⁹¹ *Булгаков Г.* Облачение святителя Иосафа Горленко ... (К вопросу об исторически правильном изображении святителя) // *Курские епархиальные известия.* 1910. № 44. С. 486–490; *Троцкий Н.* Памятники Знаменского монастыря в Курске. Курск, 1884.

См. для сравнения с аналогичными организациями из других регионов: *Заднепровская Т.Н.* Церковно-археологические комитеты России и их роль в деле охраны и изучения памятников церковной старины // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб., 1995.

представлению Императорского Русского Археологического общества правительство увеличило (десятикратно) ежегодное пособие малой части (10%) такого рода общественных организаций — всего шести Губернским учёным архивным комиссиям, включая Курскую, да Псковскому Археологическому обществу — до 2000 рублей в год. К сожалению, эта весомая материальная поддержка государства пришла к провинциальным историкам поздно. Германская война, а затем революция разбросали активных деятелей Курской комиссии кою куда, а занятия гуманитарными темами во многом обесценили.

Тем не менее за немногие годы активной деятельности немногими активистами Курской архивной комиссии оказалось сделано немало полезного и долговечного. А именно: открыты новые памятники археологии, в том числе уникального значения; начаты их методичные раскопки. Приняты должные меры по музеефикации и изданию добытых раскопками древностей. Составлена первая и весьма полная карта археологических объектов губернии. В изданиях комиссии и с её помощью публиковались ценные письменные источники и этнографические материалы южнорусского быта XVII – начала XX века. Благодаря этой комиссии, пусть на практике и не везде и не всегда действительно учёной, в губернских центрах открылся первый и до сих пор главный музей курского краеведения. Наконец, по ходу разных своих занятий Комиссия подготовила нескольких способных и энергичных работников историко-археологического профиля, которые после революции стали известными учёными и педагогами (П.С. Рыков, Е.И. Резанова, Л.Н. Соловьёв, И.Д. Стрелков-Стрельский), организаторами советского краеведения в Курске (Г.И. Булгаков, Л.Н. Позняков, Н.П. Сенаторский, М.П. Парманин и другие). Заложенные комиссией традиции изучения прошлого Курского края так и не удалось полностью искоренить даже за годы социалистического строительства, во многом беспощадного к прошлой отечественной культуре. Печатные издания Комиссии вот уже скоро столетие продолжают служить настольными пособиями курских историков и краеведов.

Конечно, такой сильной группы и даже долговечной школы историко-археологических изысканий, как в соседних университетских центрах вроде Киева, Харькова или Воронежа, в купеческо-ремесленном, захолустноватом Курске не сложилось и вряд ли могло сложиться. Это нисколько не умаляет добросовестных усилий и отдельных достижений лидеров здешней Учёной архивной комиссии — А.Н. Кобылина, К.П. Сосновского, Ф.П. Кандаурова, И.П. Амелина, П.Г. Попова, Н.И. Златоверховникова, Р.Л. Маркова, А.А. Орлова, Н.Н. Лоскутова и некоторых других её наиболее устойчивых деятелей. Без всякой оплаты, наоборот — нередко расходуя личные деньги, в часы послеслужебного досуга, они знающе и старательно занимались раскопками, фольклорно-этнографическими наблюдениями, рылись в архивных бумагах, собирали коллекции древностей, вели экскурсии по музею, читали публичные лекции, зарисовывали облик ветхих храмов,

обсуждали краеведческие сообщения друг друга, переписывались с коллегами из других учёных центров. Довольно разные, нередко чуждые по социальному и политическому облику, даже антипатичные один другому в бытовом общении, эти любители местной истории продемонстрировали незаменимую роль коллективных действий и руководящего центра краеведной работы в регионе.

К сожалению, их заслуги оказались незаслуженно забыты, начиная с 1920-х и вплоть до 2000-х годов, когда в связи со 100-летним юбилеем Курского областного музея в городских газетах помянули добрым словом его отцов-основателей из Учёной архивной комиссии. Её архивный фонд пригодился сейчас нескольким диссертантам — исследователям региональной культуры, к нему постоянно обращаются курские и приезжие исследователи разных специальностей.

Символичной для судьбы Архивной комиссии в Курске эпитафией может служить одна из сохранившихся в архиве записок её членов, воспитанных в дотелефонную — эпистолярную эпоху. Когда служебные дела помешали А.А. Танкову участвовать в её заседании 22 августа 1917 года, он обязательно известил коллег запиской: «... Хотел и сам выступить с чтением доклада (предварительного) о найденном мной древнейшем памятнике о первоначальном заселении Курска и тому подобных вопросах. Но не посчастливилось, не пришлось...»⁹². Как чувствовал ветеран исторического краеведения, что уже не придётся им заниматься публично и всерьёз. Причём отнюдь не по собственной воле прервут курские чиновники и помещики эти свои занятия. Их сначала измучат на свободе, а потом заключат в тюрьму и убьют советские чекисты.

На том заседании комиссии рассмотрела, в частности, вопрос «О собирании исторических материалов, относящихся к освободительному движению и революции 1917 года». Однако подобная идейная мимикрия (или искренняя попытка демократизации?) старым краеведам помочь не могла. Революции требовались другие историки.

* * *

«Вот и всё. Смежили очи гении...»

Д. Самойлов.

1966 год.

В завершаемой главе книжки прослежен *решающий этап развития российской регионалистики*. Его можно было бы назвать пореформенным, перешедшим в предреволюционный отрезок краеведной мысли и практики. Однако кроме предпосылок и последствий, у любого явления культуры имеется самостоятельное, самоценное содержание. Пытаясь выразить это содержание не метафорически (условные «золотой», либо «серебряный»

---

⁹² ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 691. Л. 6–6 об.

«века» русской культуры), а концептуально, стоит указать на то, что в это время, на рубеже XIX–XX веков произошло *организационное становление*, своего рода *институционализация общегосударственной системы работы с памятниками старины, оформление соответствующих институтов гражданского общества*.

Главным отличием и достижением того времени на краеведческом поприще можно считать появление и укрепление у него координирующих центров в системе отечественной гуманитарной науки. Такие организации и общества, как:

- *Центральный Статистический комитет* Министерства внутренних дел (имевший свои отделения в большинстве краёв как европейской, так и азиатской частей России);

- *Императорская Археологическая комиссия* при Министерстве двора (напрямую связанная с археологическими коллекциями Императорского Эрмитажа, наделённая монополией разрешения раскопок — выдачи открытых листов на проведение археологических экспедиций);

- *Императорское Русское Географическое общество* (с отделением этнографии и периодическими экспедициями ради комплексного изучения окраин страны и чужеземных стран; сформировавшее разветвлённую сеть своих корреспондентов по всей громадной империи, снаряжавшее и финансирующее зарубежные экспедиции по комплексному изучению заморских территорий по всей Земле);

- *Императорское Московское Археологическое общество* (с его всероссийскими *Археологическими съездами* в разных регионах страны и национальным *Историческим музеем* в Москве);

- *Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете* (с его международными Антропологическими конгрессами и всероссийскими выставками — Этнографической, Антропологической, Политехнической);

- *Императорское Русское Археологическое общество* в Санкт-Петербурге с несколькими отделениями и их полупериодическими изданиями;

- *Петербургский и Московский Археологические институты*, готовившие кадры квалифицированных архивистов, а затем и археологов, искусствоведов; куратором этих институтов выступало *Министерство просвещения*;

- *Археологическая комиссия* Императорской Академии наук, медленно, но верно подготовлявшая академическое издание русских летописей и других документов средневековой письменности;

- историко-археологические и историко-филологические объединения при большинстве российских *университетов* и нескольких специализированных *институтов* (вроде Общества истории и древностей Российских при Императорском Московском университете; Одесского общества истории и древностей при Императорском Новороссийском

университете; Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете; и тому подобных).

Все эти и некоторые другие центры науки и просвещения активно вырабатывали и распространяли методологию и методику познания и охраны памятников истории и культуры огромной империи.

На местах, в губерниях и уездах страны появляются постоянные корреспонденты и сотрудники перечисленных учёных центров. К началу XX века они почти повсеместно объединились в *местные* — губернские и областные, а то и уездные *общества и комитеты любителей разных древностей* (архивные комиссии (в большинстве губерний), археологические комитеты, гражданские или церковные; кружки любителей археологии (как в Туркестане) и тому подобные). Эти провинциальные научные силы с помощью столичных покровителей и наставников постепенно научились на приемлемом по тем временам методическом уровне проводить археологические разведки и раскопки, собирать документы для архивного хранения, фиксировать фольклорно-этнографический материал, картографировать памятники истории и культуры в местности своего проживания. Для постоянной публикации результатов этих работ у них имелись солидные печатные органы — губернские газеты, альманахи, справочные и монографические издания. Наконец, на местах мало-помалу организовались хранилища и общедоступные экспозиции древностей — археолого-этнографические и художественные музеи, исторические архивы.

Столь разветвлённой и работоспособной инфраструктуры не знала, пожалуй, гуманитарная наука ни одной другой страны мира. Подобное разделение исследовательского труда, хотя бы эмпирического, такой размах просветительской работы на ниве краеведения оказались возможны только в России периода модернизирующих её общественное устройство реформ; при участии тех людей, что получили не имеющее прямых аналогов за границей название интеллигенции.

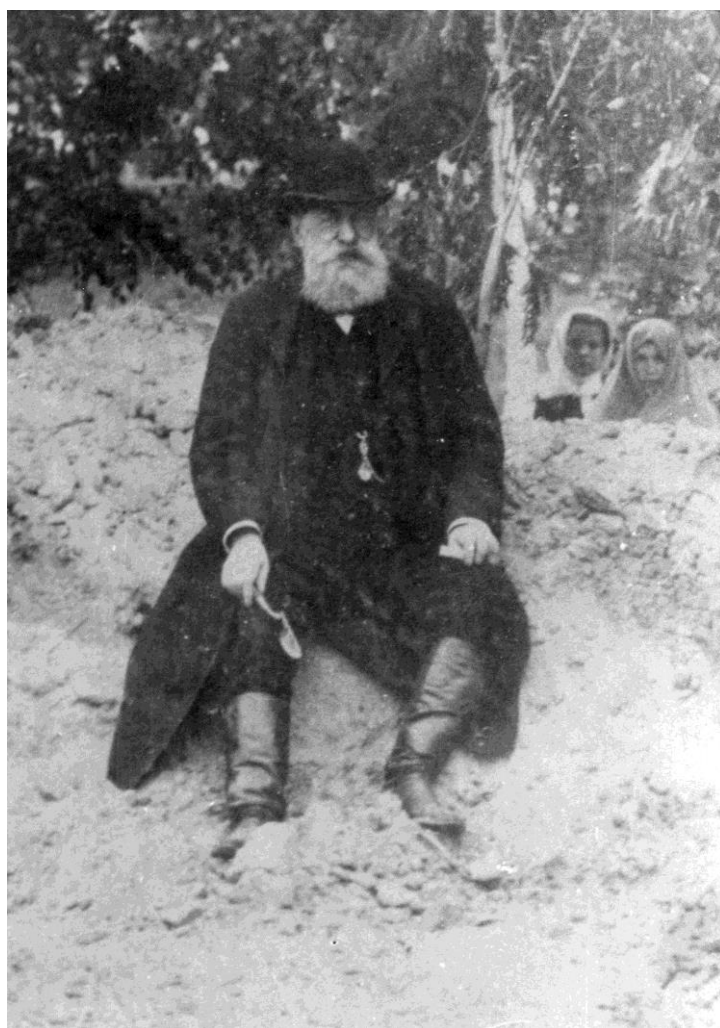
Однако приобретающее фатальный характер отставание России от передовых стран Запада в экономике и политической организации предопределили серьёзные пробелы и провалы в том же самом деле изучения и, особенно, охраны памятников истории и культуры на протяжении и XIX, и XX веков. Низкий жизненный уровень большинства населения, его малограмотность сплошь и рядом диктовали варварское к ним отношение — пренебрежение, а то и разрушение археологических, архитектурных объектов, распыление архивных фондов, утрата уникальных этнографической и фольклорной старины. Бюрократическая система государственной власти и в центре, и на местах нередко тормозила краеведческую инициативу, загоняла её в искусственные рамки ультрамонархической, клерикальной идеологии.

Многочисленные и досадные недостатки в деятельности провинциальных любителей истории, археологии и этнографии из «Губернских ведомостей», Губернских статистических комитетов, Губернских учёных архивных комиссий (хроническая нехватка денежных

субсидий, благоустроенных помещений, чиновничья волокита и цензурный произвол, начальственные капризы, прочие препоны) чаще всего искупались европейской образованностью, энтузиазмом и деловой хваткой этих же самых деятелей на ниве регионального самопознания. Хотя термин «краеведение» до революции практически не применялся (это неологизм уже советской эпохи), по сути дела именно на рубеже позапрошлого и прошлого веков в России оказались заложены традиции культурного, активно профессионализовавшегося изучения исторического прошлого основных краёв и областей государства. Такого рода конкретизирующие исследования, кабинетные и экспедиционные, да просветительские мероприятия (музеи, выставки, публичные чтения и библиотеки, популярные издания, публицистика в периодике) служили необходимым дополнением науки академической, университетской с её генерализирующими достижениями.

Сомнения насчёт того, стоит ли называть тот период развития исторического краеведения в России его «золотым веком», своего рода вершиной, если не развеиваются, то безусловно умеряются в свете дальнейших — довольно печальных судеб региональной историографии.

Д.Я. Самоквасов на показательных раскопках курганов по время XIV Археологического съезда в Чернигове. Архив автора.